

ХАННА СЭНС

Райдер
для
ПРИНЦЕССЫ

Ханна Сэнс

Райдер для Принцессы

<https://litres.ru/74207733>

Аннотация

Я не собиралась влюбляться. Тем более — в него. Хам. Самодовольный тип на моноколесе. Чертов король сарказма. А наше знакомство - катастрофа. Я просто хотела забыть прошлое. Очнуться после расставания. Начать дышать. Но встреча со старым школьным другом — и знакомство с его напарником — перевернули всё. Теперь я в мире, где царят моноколеса и всем правят скорость и ловкость. Этот парень раздражает меня до трясучки. Он совсем не мой тип, но он всегда рядом. А еще он тот, кто снова разжигает во мне чувство. Ненависти.

Мы слишком разные. И слишком ненавидим друг друга, чтобы влюбиться. Или...?

современные любовные романы

студенческая любовь

от ненависти до любви

18+

любовный треугольник

настоящий мужчина, который спасет ее из любой беды

ХЭ

Книга входит в цикл "Жизнь на колесах".

О жизни Фокса, Ли и Ви до событий в "Райдере" вы можете ознакомиться в книге "Собери меня из осколков" :)

Содержание

Глава 1. Он назвал меня... Принцессой.	5
Глава 2. Вечер, который свернул не туда...	14
Глава 3. Плохой парень	27
Глава 4. Ты будешь смотреть только на нее	34
Глава 5. Фокс и его Принцесса	45
Глава 6. Трепет воспоминаний	58
Глава 7. Слишком близко к Шлему...	69
Глава 8. Командная работа	81
Глава 8. Шанс на любовь	90
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Глава 1. Он назвал меня... Принцессой.

— Подвинься, Принцесса!

Черная тень пронеслась мимо меня на бешеной скорости, едва не сбив с ног.
Я испуганно вскрикнула. Сердце заколотилось где-то в горле.

Так я впервые встретила его.

Того, что перевернул всю мою жизнь с ног на голову.

Июнь. Утро понедельника. Лес. Тишина. Бегу, а в голове ни одной нормальной мысли, только чертовы воспоминания.

Второй курс в Художественной академии дался мне непросто. Я поссорилась с близкой подругой, и мы перестали общаться. Друзей заводить мне всегда было непросто: я не из тех, кого зовут “душой компании”, кто умеет находить язык со всеми или ловко встраиваться в любой разговор. Мне непросто в обществе, хотя, как всегда говорила Мила, — та моя подруга:

— А по тебе и не скажешь. Таким, как ты, можно даже просто «красиво молчать».

Но эта красота не спасла ни дружбу, ни отношения.

Прошло уже четыре месяца. И сейчас могу уверенно заключить, что теперь я вообще социофоб: только работаю,

учусь и... бегаю.

Шаг. Еще шаг. Раз. Два.

С самого детства мама называла меня «принцессой»:

— Ты моя принцесса, вырастешь — толпы от парней не будет! Вон уже сколько женихов! Даже в саду.

Мама меня всегда любила и желала мне только добра, но с возрастом я поняла, что мне не нравится, когда меня судят по внешности. А ведь это продолжается всю сознательную жизнь. Да, светлые длинные волосы и точеная аккуратная фигура, небольшой рост и хрупкость — те женские черты, которые всегда привлекают внимание мужчин.

Правая нога немного болит. Саботирует бег. Но я игнорирую ее.

Ничего никогда не давалось мне просто так в жизни, кроме природных данных, разумеется. Но даже они не помогли мне удержать моего парня. Я рассталась с Андреем почти два месяца назад. И, кажется, опустилась на самое дно, потому что так не унижалась еще никогда.

Запнулась о ветку. Вот черт! Чуть не расстелилась.

Я умоляла его дать нам еще шанс. Мы были вместе эти два года, что я учусь в Академии. Симпатия с первого взгляда. И через месяц мы начали встречаться. А через год начались проблемы. Мила сказала, что Андрей приглашал ее куда-то без меня, я ей не верила, Андрей отрицал. Были еще звоночки, которые я упорно не замечала. Даже поссорилась с подругой, потому что выбрала его и верила ему. Вот дура.

Никогда нельзя делать выбор между лучшей подругой и парнем в пользу парня. А весной увидела его с другой. И нет, чтобы расстаться навсегда, нет... Я засунула свою гордость куда подальше – и думала, что проблема во мне.

Ускоряю темп. Бегу от этих мыслей. Бегу от той себя. Если бы только это было возможно...

Но Андрей ушел, а я осталась совсем одна. Когда он съехал с нашей квартиры, стало пусто. Но это не то слово. Стало удушающе. Хотелось выть на луну. Запереться в четырех стенах и никогда – никогда – больше не выходить на улицу. Сколько я съела тонн мороженого? Сколько пачек чипсов? Сколько глазированных шоколадных вафель с орехами? Столько, что в один момент я почувствовала, что меня тошнит не только от еды, но и от самой себя и этой чертовой жалости к себе.

Какой-то камешек попал в кроссовок, черт. Делаю вид, что его нет.

В один из дней я очнулась ото спячки. Я хочу ЖИТЬ, а не существовать. И, кажется, я скатилась в стадию «Этот козел меня никогда не заслуживал». Как ни крути, пора возвращаться в свою форму. В тот же день я расчехлила свои кроссовки, которые так долго пылились в коморке, и побежала. Ноги были явно шокированы, а сердце задыхалось – первую пробежку вряд ли я могла бы назвать удачной. Но она состоялась – и это уже был успех. А в свою беговую форму я приду быстро, годы тренировок отложены на подкорке моего тела.

Чертов камешек. Как же ты меня бесишь... Не хочу останавливаться. Вдох – выдох.

Прошел месяц. Семестр и учебный год я закрыла заранее: чем-то же нужно было себя занять. Набрала себе кучу работы на все лето – слава богу, отбоя от клиентов у меня не было! Наладила весь быт без Андр...этого козла. Скинула все наеденное и изменила пищевые привычки. Освоила кучу рецептов. Я забыла, каково это – быть одной. Каждый день давался все легче. Мне точно не нужны сейчас никакие отношения. Мне и одной прекрасно.

И вот, я бегу и дышу полной грудью этим свежим июньским воздухом и знаю, что все лучшее у меня еще впереди! Поют птички, солнце играет на зеленых листьях, вокруг ни души, в одном ухе наушник и любимый плейлист. Идеально. Если бы только не...

Этот камень! Все-таки придется разуться и убрать его.

Я резко останавливаюсь. Поднимаю ногу, чтобы снять кроссовок, и... Испуганно вскрикиваю. Мимо меня вихрем проносится что-то. Или кто-то. Большой, черный, шумный. И этот кто-то чуть не снес меня. А еще он орет на меня:

— Подвинься, Принцесса!

— Эй! Совсем обалдел?!

Это существо резко тормозит «в пол» и разворачивается в мою сторону. Едет ко мне. И только сейчас я могу различить, что это какой-то явно наглый парень, весь в черном,

в шлеме и какой-то экипировке, а в ногах у него... моноколесо. Точнее он едет на моноколесе. Вытаскиваю единственный наушник, пока он распаляется:

— Принцесса, ты больная совсем?! Я же мог тебя снести!

Он подъезжает ко мне близко. Слишком близко. Настолько, что практически наезжает на кроссовки и ставит одну ногу на землю.

— А ты, что ли, из Диснеевской сказки прилетел в этот парк? Ногами ходить уже не модно?

Этот наглец явно доволен собой, но, вот в чем проблема: я не вижу его лица. Нацепил шлем – видимо, чтобы скрыть свою невероятную красоту. И, наверное, еще улыбается. Запустить бы в него кроссовком, вот только уверена: он еще прихватит его с собой.

— Принцесса, это не только твой парк. Может, ты не видела, но на входе объявление висело. У нас тут тренировка, — он кладывает руки на груди и вскидывает подбородок.

Я пытаюсь разглядеть его глаза за тонированным визиром, но безуспешно. Очень приятно общаться со шлемом!

— Слышь, Шлем, — злюсь я. — Ты едешь сзади, вот и смотри, куда ты едешь. ПДД для кого писаны? И я тебе не принцесса.

Он уже было открывает рот, чтобы что-то сказать (я не видела, но чувствовала, потому что за такими, как он, всегда последнее слово), но тут мимо нас пролетает еще один парень на моноколесе. Он тормозит и разворачивается:

— Фокс, едешь? Или тебя поймали на крючок?

— Да это Принцесса встала тут... — он чуть отодвинулся от меня.

Я набрала в грудь воздуха. День точно испорчен. Вот уж лучше бы комплименты делали, чем вот эти разборки.

— Я тебе не Принцесса! Еще раз меня так назывешь...

— Лина?

И подъехавший парень снимает шлем. А я замираю от неожиданности.

— Рома, ты?! Сто лет не виделись...

Приятная встреча! Хотя что-то приятное за эти минуты.

— Я, — довольно улыбается тот. — Не ожидал тебя здесь увидеть, но рад. Очень.

Я радостно киваю ему в ответ, полностью игнорируя присутствие Шлема, который так и желает оставаться анонимным. Ромка разглядывает меня, не скрывая восторга.

— Ты все бегаешь, да?

— Восстанавливаю форму после долгого перерыва, — уклончиво отвечаю я. — А ты... теперь катаешься на этой штуке?

— Да! Это моноколесо, крутая вещь. Если хочешь, научу и тебя...

Но Шлем прерывает нашу милую беседу.

— Хватит миловаться, Рем. Погнали. Потом подкатишь к ней как-нибудь потом на своем колесе.

— Лин, слушай, нам и правда надо ехать, сейчас тут толпа будет, — соглашается Рома. — Вечером встретимся? Поболтаем?

— Давай, конечно!

— Ну все, спишемся, — бросает он мне напоследок, надевая шлем обратно.

А потом уносится на этой штуке, оставив после себя поднявшуюся пыль.

— Рем прав, Принцесса. Сверни на другую дорогу.

— Спасибо за заботу, Шлем, — холодно произношу я, отчаянно желая, чтобы он снял свой шлем, а я сказала ему в лицо все, что о нем думаю.

Когда я поспешно натягиваю кроссовок, его и след простыл. А через секунды я чувствую, как вибрирует земля, а сзади появляется какой-то гул. Придется последовать его совету. Толпа, нет, рой людей на моноколесах несутся по этой извилистой узкой дорожке. Каким-то чудом они не только удерживают баланс на кочках и ямках, но и ловко лавируют друг между другом, обгоняя и подтрунивая. Это все выглядит так, будто инопланетяне спустились на нашу планету и развлекаются здесь: футуристично, аномально и слишком громко для такого парка. Это, похоже, целое комьюнити, которое я никогда не смогу понять.

Несмотря на это неприятное происшествие, я улыбалась всю оставшуюся тренировку, хотя и избегала узких троп. Ромка Ремов. Теперь, похоже, его зовут Рем. Пять лет за од-

ной партой в школе, один из главных красавчиков параллели, добрый и общительный парень, спортсмен. Мы даже были друзьями, пока он не переехал в другой город и не перевелся в какой-то модный лицей. Кудрявый, светловолосый, жизнерадостный. Голубые глаза, в которые я когда-то так сильно была влюблена. Да что я... половина школы! Прошло пять лет, но его все так же легко узнать по родинке на правой щеке и милой ямочке при улыбке.

Уходя с парка через главный вход, я специально смотрю на доску объявлений. И там действительно висит объявление...

После обеда Ромка пишет мне и приглашает в бар. Я так давно никуда не выбиралась, особенно – в бары, где шумно и много людей, но... ради этой встречи со старым другом я готова выйти из зоны комфорта. Андрей никогда не поддерживал мое общение с другими парнями, даже с однокурсниками, даже просто по теме занятий. И сейчас я понимаю, как это было эгоистично с его стороны, и как мне нужна все-таки была эта свобода общения. В конце концов, хотя бы сейчас я могу позволить себе взять от жизни все. Особенно сейчас.

Весь остаток дня я провожу за работой и, конечно, за подготовкой к вечеру, ощущая какое-то приятное предвкушение чего-то нового.

Но внутри что-то неприятно тянет. И не зря, ведь я практически уверена, что еще встречу с этим наглым незнаком-

цем в черном тонированном шлеме...

Глава 2. Вечер, который свернул не туда...

Все, что я бы я не надела, не проходило контрольной проверки на звание наряда этого вечера. Льняной комбинезон казался не подходящим для бара, зауженные брюки и блуза с рукавами-воланами – слишком вычурными и офисными, а белое легкое летящее платье – вообще свадебным. Как будто я иду туда с единственной целью: женить на себе Рому. Цели такой у меня, конечно, не было, и мне не хотелось, чтобы кто-то так вообще подумал. Да, я всегда считала, что гардероб – дополнение образа, то, что может рассказать о тебе без слов. Я часами могла лазать по Пинтересту в поисках актуальных капсул на все времена года, а потом скупать нужное в магазинах или онлайн. И мне это нравилось! Своеобразное хобби, которое не только приносит невероятное удовольствие, но еще и пользу.

Вот только почему сейчас все казалось неподходящим? Я вздохнула и опустила на пол в грудку вещей, которые были забракованы. Есть у меня один беспроигрышный вариант, на все случаи. Я достала из дальнего угла гардероба скинни джинсы, которые не носила с... расставания с Андреем. Теперь, кажется, моя попа в них снова уместится. Сверху надела светло-голубую рубашку и подвязала на талии. Волосы

я распустила, мягко уложив передние пряди. Макияж естественный – только подчеркнуть достоинства. Мне же не хочется, чтобы Ромка меня не узнал. На ноги можно и туфли на каблуке, но без всяких ремешков – никаких намеков. Я иду на встречу с другом и только.

За те несколько секунд, что мы общались в парке, я успела немного разглядеть его. Рома всегда был хорош собой, но сейчас, за те годы, что мы не виделись, он сильно возмужал. Перестал быть мальчишкой, которого я помнила, а смело перешел в категорию мужчин. Подкаченное тело, сильные руки, какая-то татуировка на правом предплечье. Надо признать, что даже во время этой их «тренировки» он выглядел стильно. Эти годы явно пошли ему на пользу. Интересно, а так можно было бы сказать обо мне?..

Последний раз покрутившись перед зеркалом, я одобрительно кивнула. Насыпала Лаки ужин, погладила его под восторженное чавканье и вышла на улицу.

Наш маленький город вполне можно считать провинциальным. Как говорят все местные, это большая деревня, где так или иначе все друг друга знают. Многие выпускники школ стараются уехать отсюда в столицу, а кто остается – почти всегда жалеют об этом. Но мне город нравился. Я никогда не стремилась к шикарной жизни в Москве или Питере, где ты чувствуешь себя «одним из». Здесь же было уютно и спокойно, до парка подать рукой, любой пункт назначения в часе езды максимум. Сегодня вечером на улице было свежо

после прошедшего дождика, поэтому до бара я добралась на такси. И по мере приближения к месту встречи я начинала волноваться и кусать губы. Почему спустя столько лет Рома вернулся сюда? Да еще и не один. При мысли о нахальном незнакомце на колесе я стиснула зубы. Надеюсь, я с ним не встречусь больше никогда.

В баре было многолюдно, несмотря на понедельник. Я здесь прежде не была, но вычислить Рому не составило труда. Вот только ... он был не один. Компания мгновенно подняла на меня глаза, когда я, собрав всю волю в кулак, громко поздоровалась:

— Привет!

Правая нога предательски нервно постукивала об пол, благо это не было слышно. И почему я думала, что мы будем вдвоем?! Сесть бы скорее и переключить их внимание на что-то другое, а то эти взгляды смущают.

— Лина, привет! – Рома встал и неловко меня обнял.

Когда я наконец расположилась рядом с ним и подняла глаза в надежде, что ребята продолжат свой разговор, они по-прежнему смотрели на меня.

— Я – Лина, — сказала я и так очевидное, а сама бегала глазами с одного человека на другого.

Помимо Ромы их было трое. Один из парней сидел рядом с девушкой, закинув по-свойски на нее руку. Он явно был азиатских корней, а еще все его руки были усеяны татуировками. Пирсинг на губе и черные волосы, собранные в

небольшой хвост. Для нашего города его вполне можно считать неформалом. Девушка рядом была ему под стать: все ее длинные волосы были черными, но она из прядей у лица идеально белая. Наушники болтались на шее, одежда оверсайз и пальцы рук испачканы в какой-то краске — а мы могли бы подружиться, похоже.

Девушка мне улыбнулась и протянула руку:

— Привет, я Влада. Но можешь звать меня Ви. И скоро ты узнаешь, почему, — заговорщически она мне подмигнула.

Руки явно в чернилах, интересно, чем она занимается...

— Только не вздумай теперь говорить, что тебя могут звать Ли, — наклонился через стол ко мне ее татуированный парень.

Повисла пауза. Я взглянула на Рому в ожидании поддержки, но он только улыбался. Тогда я рискнула:

— Вообще-то не очень хотелось сокращать свое имя, но все же... Почему?

Парень откинулся обратно на спинку дивана и довольно усмехнулся:

— Потому что Ли тут один. И это я, — а после протянул мне руку.

Я пожала ее:

— Рада познакомиться, Ли.

— На самом деле, все чуть сложнее, — продолжил он. — Дело в том, что мои родители почему-то решили, что, если назвать азиата русским именем Владислав, то ему будет лег-

че жить на этой земле.

— Боже, — я прыснула. — Прости, правда.

— Так что я Влад, но вообще Ли, — подытожил он. — И, надеюсь, что ты с нами надолго, потому что я терпеть не могу объяснять всю эту канитель!

Я вопросительно взглянула на Рому. Он неловко приобнял меня и сказал друзьям:

— Я так давно ее не видел. И пока не планирую отпускать, — при этих словах мои щеки явно вспыхнули, а потом он добавил: — Ты же не против, Лин?

Я растерялась:

— Да.. нет... Эм... Посмотрим, как пойдет.

Я сама про себя подумала: «Какого черта ты несешь?! Тебе не нужны сейчас никакие отношения!» Но сердце предательски ускоряло темп.

— Тоже надеюсь, что ты тут надолго, Принцесса, — прохладный, не очень дружелюбный тон разрезал повисшую тишину. — Потому что я уже устал от новых знакомств, которые устраивает нам Рем каждый месяц.

Я уже, кажется, догадалась, кто это. Хотя мне и стало неприятно при этих словах, но я прекрасно знала, что я здесь не в статусе девушки Ромы, а его давняя подруга, а это совершенно другое. Но, конечно, пропустить мимо ушей было невозможно для меня.

— О, это ты, Шлем? — задала я риторический вопрос парню и взглянула на него, но тот сидел в телефоне, опустив

голову. — Знаешь, если бы ты не ехал с такой скоростью, то вполне мог бы тоже с кем-то познакомиться, а не сидеть с унылым лицом сейчас тут.

Ви и Ли оживились и зашушукались.

— Ооооо, мы что-то пропустили? — задал Ли риторический вопрос и обратился к Роме: — Эти ребята уже познакомились, да?

Ромка поморщился и кивнул.

— Не заинтересован в отношениях, Принцесса, — как ни в чем ни бывало продолжил хам.

— Я тебе не Принцесса, Шлем, — запыхтела я.

Ну все. Это война. Этот наглец поднял на меня взгляд наконец. Как будто это требовало невероятных усилий. Он, прищурившись и наклонив голову набок, вглядывался в меня — изучал. Я в ответ делала то же самое. Темноволосый парень с щетиной. Чуть выющиеся волосы явно расчесаны наспех, следы какой-то грязи на правой щеке, грубые руки — он не из тех, кто ухаживает за собой. Ничего необычного, из чего стоило бы делать интригу и не снимать шлем утром. Не мой типаж. Черная футболка и черные джинсы — просто и со вкусом, вынуждена признать. Глаза, правда, спокойные. Слишком спокойные. И это спокойствие наряду с его словами бесит до трясучки.

А потом он, не отводя взгляда от меня, убрал телефон в карман и встал:

— Когда представляешься — называй свое полное имя.

Иначе так и останешься Принцессой. Пойду покурю.

И просто ушел. Я ошеломленно смотрела вслед этому наглецу, потеряв дар речи.

— И в этом весь Фокс, — развела руками Ви. — Ты привыкнешь. Но, если вы подружитесь, ты узнаешь его с другой стороны.

— Сомнительно, — парировала я.

Больно надо мне с ним дружить. Я не в детском саду. Но надо было держать себя в руках, я все-таки в чужой компании, даже если в ней и принято так разговаривать. Я откинулась на диван, тихо выдохнула и принялась изучать меню. Вот только глаза застыли на месте, а мысли в голове рождались одна за другой. Что он себя позволяет? И почему его зовут Фокс? Что это за имя вообще? Откуда он узнал, что Лина — это не мое имя? И почему мне кажется, что он от меня не отстанет?..

Рома тем временем наклонился ко мне, сжал руку и прошептал:

— Все нормально?

— Да, — уверенно ответила я, улыбнулась ему, а потом отложила меню и обратилась ко всем: — Что вы мне рекомендуете тут заказать?

Через четверть часа мы уже уплетали тако. Стол был заставлен тарелками с лепешками, начиненными разным мясом и овощами. Я не очень большая фанатка мексиканской кухни, скорее, я консерватор — предпочитаю пиццу или су-

ши. Но, на удивление, еда оказалась потрясной и сочной, а еще она явно растопила лед в нашей компании.

— То есть вы все катаетесь на моноколесах? — уточнила я, закидывая очередную лепешку в рот.

— Да, — ответила Ви, — Но я больше любитель, а не профи. Я не участвую в соревнованиях. Максимум — покатушки для развлечения. А ты?

— Я? Ой нет, я не понимаю все это. У меня есть мой велик и кроссовки — вот мои средства передвижения. Я с техникой на Вы, — засмеялась я.

— Если вдруг захочешь попробовать, я покажу тебе, — моментально откликнулся Рома. — У тебя получится!

Я неопределенно кивнула: не очень горела желанием пробовать эту штуку.

— Я думаю, тебе рано судить, — попытался перекричать музыку Ли. — Ты не приравнивай знакомство с Фоксом к знакомству с моноколом. Это разные вещи. Дай нам шанс. Дай Рему шанс, — он сложил руку в умоляющем жесте.

— Окей, — улыбнулась я, глядя на Ромку. — Как-нибудь.

Он положил руку на мою, и от неожиданности я замерла не в силах пошевелиться. Мне кажется?

— У нас на днях будут соревнования здесь, — продолжил Ромка, пока его ладонь покоилась на моей руке, а голубые глаза внимательно вглядывались в мои. — Приходи. Посмотришь. Поболеешь за меня!

— Это тебе не поможет, — произнес низкий хрипловатый

голос прямо у моего уха. — Я тебя сделаю. Как и всегда.

Шлем стоял позади нас с Ромой, облокотившись на спинку дивана, и попивал какой-то напиток в бутылке. Потом он медленно обошел стол, довольно плюхнулся на диван и отправил в рот три тако подряд. У меня нет слов. Меня закусило, я уже открыла было рот, но Ви жестом остановила меня, словно говоря: «Это не поможет: вечная вражда».

Рома только поджал губы и отвернулся. Это действительно не похоже на дружеский подкол. Но теперь я просто обязана прийти на эти чертовы соревнования и поболеть за Ромку. За Рема.

— Ну а ты, Лина, — перевел тему Ли, — чем по жизни занимаешься?

Уметь себя представлять в компании незнакомых людей — то еще искусство, которым, увы, я не владею.

— Я учусь в Художественной Академии, закончила второй курс, рисую в свободное время на заказ картины и иллюстрации к книгам. Всю жизнь бегала, вот, восстанавливаю форму и сейчас. Как-то так, если коротко.

Шлем комментировать это никак не стал: его рот явно был занят тако под номером двадцать.

— Я думала, ты какой-то имидж-мэйкер, — задумчиво произнесла Ви. — Ты стильно одета. Я бы назвала тебя Девочка-Пинтерест, если бы тебе нужно было прозвище в нашей компании.

— У нее уже есть прозвище, — парировал ей Ли. — И оно

получше твоего, детка.

А затем они многозначительно переглянулись, Ви ткнула его пальцем в бок, и они засмеялись. Кажется, не такие уж все серьезные, какими казались на первый взгляд. Вот только мне меньше всего хочется, чтобы это прозвище закрепилось. Лучше уж «Пинтерест», чем «Принцесса».

— Рад, что ты поступила в Академию! – вклинился Ромка. – Помню, что ты давно мечтала, еще в школе. Но помню, что твой отец ...

— Не надо, — оборвала его я. — Не будем о прошлом.

— Как скажешь, — согласился он, а его колено еле заметно коснулось моего под столом —случайность ли?

— А ты, Принцесса, не шибко витаешь в облаках, похоже, — вдруг произнес Шлем. — Эти двое тоже художники, но с мозгами набекрень.

Я взглянула на Шлема, но он смотрел на Ви и Ли, которые ему ехидно улыбались. Он казался каким-то не таким. Сильно мрачным. Сильно холодным. Сильно другим. Но при этом каким-то образом идеально вписывался в эту компанию. И это было удивительно.

— Да мы не художники, никакие, брось, Фокс, — засмеялась Ви, а потом пояснила мне: — Мы кто попроще. Я рисую эскизы татуировок, а Ли — воплощает их.

— Чем же не художники? – переспросила я, впервые будучи согласна со Шлемом.

— Ну так... свободные артисты, — отмахнулся Ли. — Са-

моучки, зарабатываем, как можем.

— Это не важно, Ли, — серьезно произнес Шлем. — Образование сейчас уже не так важно.

Я с интересом повернула голову в его сторону. Он способен выдавать еще какие-то вещи, кроме сарказма? И довольно разумные.

— Говоришь так, потому что сам не выучился, Фокс? — вопрос Ромки резал мне слух: какой-то неприятный, не дружеский.

— Иди ты, Рем, — легко отмахнулся от него Шлем, но в глазах мелькнул стальной блеск. — Речь не обо мне. Сейчас, чтобы быть профи в своем деле, не нужно закончить универ. Особенно творческим людям.

— Ты к ним не относишься, — ответил Рома, и по моей спине пробежал холодок.

Что-то между этими двоими происходит.

— А ты видел, как он накрутил свое колесо, Рем? — пытался свести на нет конфликт Ли. — Это же что-то. Я бы никогда не додумался.

— Я думала, — внезапно для себя начала говорить я, и все воззрились на меня, даже Шлем. — Что вы просто покупаете это ... колесо и соревнуетесь на нем, показываете свои навыки скорости и ловкости...

Все засмеялись, даже Шлем. И почему-то его смех не был похож на эту ставшую уже привычной наглую ухмылку. А потом Ви все же пояснила:

— Скорость и ловкость очень важны. Это правда. Но важно еще и то, как соображает твой котелок в электронике и механике, иначе у тебя нет шансов. Это не только соревнования физические, но и мозговые, Лина. Придешь, я тебе все покажу.

Ну теперь у меня не было шансов не прийти. Весь остаток вечера разговор шел об этих моноколесах и то том, что нужно еще подготовить для будущего старта, но здесь я уже ничего не понимала, поэтому просто бегала глазами с одного говорящего на другого, пытаясь ухватиться за какие-то мысли. Ребята выпивали, смеялись и, кажется, все острые углы были сглажены. Хотя бы на сегодня.

На выходе из бара мы попрощались с ребятами.

— Увидимся на соревнованиях! — сказала Ви и обняла меня на прощанье.

— Пока, Принцесса. Ой прости...Алина.

Он издевается?

— Я не Алина, — сухо ответила я, но моя реплика осталась без ответа.

Нахал явно прощупывал почву. Махнул нам рукой и стоял теперь спиной, застегивая свой шлем и вставая на свое колесо. Все у него так просто.

— Он же выпил... — кивнула я на Шлема.

— Не, — отозвался Рома. — Фокс не пьет. Не здесь. На соревнованиях может, да. Но не здесь.

Тот тем временем уже был, наверное, на полпути домой.

Когда мы остались одни, Ромка прошептал мне:

— Я боялся, что ты разозлишься, что мы пришли всей толпой. Перед соревнованиями непросто отделиться от команды, но я так хотел увидеться с тобой.

— Да нет, это ничего, просто я ничего не успела узнать о тебе, Ром, — честно ответила я. — Мы так давно не виделись.

— Знаю, да, но, раз ты придешь на соревнования, то у нас будет возможность еще пообщаться, — ответил он и взял меня за руки: — Я же сказал, я не планирую тебя отпускать, Лина.

Он поцеловал меня в щеку, заправил прядь волос мне а ухо и дольше, чем требовали приличия, смотрел на меня.

А потом посадил в такси. Всю школьную жизнь я мечтала, чтобы меня поцеловал сам Рома Ремов. И это наконец случилось. Я не знаю, что вкладывал в этот поцелуй Рома, но моя щека горела, а согретая в этом месте кровь разливалась по всему телу, все больше пробуждая меня ото спячки. Этот вечер точно повернул не туда, куда я планировала... но, может, это и не плохо?

Глава 3. Плохой парень

Следующий день я пребывала в своих мыслях. Вчера случилось слишком многое, и, казалось, я задыхаюсь от этой череды событий и информации. Встреча с Ромкой, новые знакомства, перепалка со Шлемом и эти моноколеса, о которых я вообще ничего не знала, кроме как о факте их существования. Все закрутилось, завертелось так быстро, что сегодня утром я уже штудировала интернет с вопросами о моноколесах. Надо же хотя бы немного разобраться прежде, чем идти на соревнования! Иначе я так и буду сидеть и просто смотреть на... А на что? Я вообще понятия не имею, как проходят эти соревнования.

Так, как бы собраться с мыслями и поработать... Хватит витать в облаках, Лина. Взрослые девочки должны зарабатывать себе на жизнь. Хотя тебя и называют «Принцессой» снова, что-то Принца рядом не намечается. Только если Ромка... Очень даже похож. Так. Все. Тебе не нужны сейчас отношения.

Вытаскиваю карандаш из волос, вооружаюсь ластиком и устраиваюсь на диване напротив своего окна.

 Всегда беру старый добрый карандаш и откладываю планшет, когда что-то долго не удастся. Отец тоже был художником и всегда говорил мне:

— Ничто не заменит тебе карандаш. Положи перед собой

чистый лист, возьми хорошо заточенный карандаш и отпусти свою голову. Все ответы уже есть в твоей голове, просто позволь им родиться.

Но совсем отпустить мысли я не могу. После расставания с Андреем мне пришлось взять больше работы, чтобы не съезжать с нашей квартиры. Я не готова с ней расстаться! Она маленькая, уютная, совсем рядом с моим парком, а еще у нее одно окно выходит на проезжую часть, а второе — во дворик. А так как я обожаю наблюдать за людьми, так лучше думается, то теперь это любимый вид с моего рабочего места. Особенно по утрам, когда свет мягко падает на мою «студию». Любимые часы для работы. На столе, правда, сейчас царит хаос: разбросанные кисти и краски, маркеры, раскрытый ноутбук с техническим заданием автора книги, а на полу валяются неудачные наброски все для той же книги. И теперь еще и Лаки полюбились лежать прямо на моих эскизах, а не на своей лежанке, которую я выбирала с большим пристрастием.

Отец был прав. Иногда мне действительно кажется, что карандаш словно сам рисует за меня. Но не сегодня. Лаки упорно смотрит на меня в ожидании, пока я почешу ему пузо.

— Подожди, дружок. Твоя хозяйка пытается работать, — строжусь я.

Несколько дней у меня никак не хочет в голове рисоваться образ одного из персонажей, а книга скоро идет в печать.

Да, я рисую не только портреты или апельсины на столе. Об этом чаще всего думают люди, когда я говорю, что я учусь в Художественной Академии. Но это то, что точно всем понятно. А если я говорю, что большую часть времени рисую иллюстрации для книг, сразу возникает куча комментариев.

— На этом можно заработать? Сколько ты получаешь?

— Все художники обычно бедно живут.

— Что? Не видел ни одной иллюстрации в книге.

Но вам скажу по секрету, наработав клиентскую базу, можно иметь хороший стабильный доход. Сарафанное радио работает здесь «на ура». А так как я рисую еще детства, с техникой у меня нет проблем. Я не могла не рисовать, это невозможно было, когда твой отец — художник. Правда, он никогда не хотел, чтобы я пошла по его стопам. Но именно из-за него я не перестала рисовать. Изменила имя, но не перестала...

В Академии же я скорее изучаю больше историю искусства и новые техники. Поэтому, если успеваешь выполнять свои академические работы в срок, то работай, сколько хочешь. Вот только, когда нет вдохновения, сделать это тяжело. Проблема творческой личности! Интересно, а у Ли и Ви есть такое? Ничего не знаю о татуировках, но вдруг стало интересно. Ведь каждая татуировка что-то да значит. Никогда не задумывалась о том, чтобы сделать себе тату.

Я вздыхаю. Опять мысли не туда.

Встаю. Беру свой дорожный набор для рисования и вы-

хожу из дома. Кофе – то, что нужно, чтобы запустить работу моего беспокойного мозга. На улице солнечно и тепло, о вчерашнем дожде напоминают только небольшие лужи – маленькие отражения неба и облаков на земле. Как же все-таки хорошо утреннее время проводить не на занятиях в Академии, а на улице.

На автомате я дошла до любимого уголка с кофе. Приветливая девушка-бариста Зоя улыбнулась мне:

— Вам как обычно, Лина?

— Да, пожалуйста, капучино без сахара.

Обожаю, когда есть свои люди везде. Так и кофе вкуснее – не знаю, как это работает.

— Тяжелый день? – спросила внезапно Зоя. – Вы уставшая.

— Да нет, просто много мыслей, — отозвалась я, а потом махнула альбомом с карандашом. — И ни одной полезной для работы.

— Кофе поможет, — уверенно произнесла девушка.

— На него последняя надежда! — хихикнула я.

Пока ждала напиток, устроилась на лавочке рядом с кофейней. Вид на улицу – то, что надо. Надеюсь, здесь смогу поработать.

Главный герой книги, над иллюстрацией к которой я работаю, должен быть своеобразным недотрогой: мрачный, немногословный, дерзкий. Привлекает, отталкивая. Мне такие никогда не нравились. И мне даже в голове сложно пред-

ставить, как такой может вызывать восхищение? Стоит прочитать книгу автора, а не просто читать описание героя из технического задания. Но на это катастрофически нет времени. Попросить у нее несколько картинок парней с Пинтереста, похожих на этого героя? Поищу сама и предложу ей. Гений тот человек, кто придумал этот сайт, я точно вам говорю. Нахожу «плохого парня», проваливаюсь ниже и, вуаля, много похожих картинок: выбирай, не хочу. Нахожу несколько вариантов и сохраняю в памяти. Забираю кофе, делаю глоток и думаю, что все же справлюсь сама. Последняя попытка.

И почему плохие парни обязательно становятся главными героями книг? Не лучше ли влюбляться в проверенных, надежных парней с добрым сердцем? Взять хотя бы Ромку. Я знаю его сто лет в обед, он отличный парень, первый красавчик школы, который украл не одно сердце. И подарил мне вчера поцелуй. Хоть и в щеку. Чем не главный герой? Он понятный и простой, ему можно доверять. Но о нем не пишут книг. А вот взять, к примеру... Шлема. Тот еще мудака. Непонятный, дерзкий, сам себе на уме. Говорит, что думает. И ему все равно на мнение других. В книгах у таких парней обычно есть какая-то глубокая история, которая «сделала его таким». Но это книги. У этого нахала, я уверена, все просто. Он просто... такой. И все тут. Другого не дано.

Вьющиеся волосы, как будто пропитанные морской солью и уложенные ветром, небрежная трехдневная щетина, кото-

рая, как ни крути, добавляет брутальности и словно говорит: «Принимай меня таким, какой я есть». Походка льва на охоте: уверенная, неторопливая. Сильные руки с выступающими венами, естественные движения, пропитанные насквозь самовлюбленностью. А еще эта нахальная усмешка и чертов пронизательный взгляд карих глаз. Как будто видит насквозь и знает все секреты. А когда слушает, наклоняет голову чуть набок, словно размышляя, стоит ли тратить на меня свое драгоценное время. Сложенные на груди руки в вечном сопротивлении этому миру. И этот острый язык – за словом в карман не полезет.

Но такие нравятся девушкам. Другим. Но не мне. Фыркаю при воспоминаниях о его колкостях в мой адрес.

— Простите, я не помешаю? – вдруг выдергивает меня из размышлений старушка.

— Конечно, нет! Садитесь.

Я рассеянно ей улыбаюсь, потому что, почему-то мне кажется, что она не в первый раз пытается у меня что-то спросить, но я настолько погрузилась в мысли. Я сдвигаюсь ближе к одному из краев лавочки, беру кофе и делаю глоток. А после смотрю на результат полета карандаша. И замираю. Получилось идеально! То, что нужно. Сейчас же пойду домой и перенесу рисунок на планшет. Наконец дело сдвинулось.

Но потом я шумно выдыхаю и закусываю губу, будто этим можно усмирить совесть. Кофе действительно помог — теперь у меня в руках набросок. Набросок, который никто и

никогда не должен увидеть. Потому что на меня смотрит... Шлем. Со своей дерзкой усмешкой и взглядом свысока.

Резко захлопываю альбом и мотаю головой.

Завтра мы встретимся снова. Он – с сарказмом на моноколесе и желанием довести меня до белого каления, а я – с твердым намерением во что бы то ни стало выдержать его издевки и выиграть эту холодную войну.

Глава 4. Ты будешь смотреть только на нее

Утро дня соревнований выдалось пасмурным, хотя температура неумолимо росла все выше и выше. Всегда, когда у меня были важные события, будь то какой-то тест, защита курсовой работы или соревнования по атлетике, мне скручивало живот. Да так, что вообще не хотелось никуда выходить. Так организм реагировал на сильный стресс. Вот и сейчас появилось большое желание никуда не идти. Но я представила, как расстроится Рома, и парочка Ви и Ли, которые подумают, что я очередная девушка Ромы, которая взялась из ниоткуда и тут же исчезла. А еще... как самодовольно усмехнется Шлем, теперь полностью уверенный, что победа у него в кармане, раз я не пришла поддержать Ромку. Ну уж нет! Выпиваю таблетку, одеваюсь и выхожу.

Я не узнаю свой парк. Так много людей я не видела даже в праздничные дни и мероприятия. Очень много людей. Слишком много. Некомфортно. Настолько, что сжимает горло. Никогда не любила большие скопления людей... Я оглядываюсь по сторонам в надежде выцепить татуировки Ли или белую прядь волос его девушки. Солнышко выглядывает из облаков, приходится прищуриваться. Я подставляю ладонь ко лбу в надежде хоть кого-то заметить. То тут, то там

молодежь в экипировке, на всех стартовые номера. Парни и девушки шумно разговаривают и смеются, кричат что-то и машут друг другу с одного конца стадиона на другой. Я уже и забыла, каково это – быть в спортивной среде. Везде пестрят яркие цвета и принты – каждый выражается, как может. Замечаю судейскую бригаду, которая занимается оргвопросами у маленькой импровизированной сцены. Часть участников соревнований стоят в очереди по соседству за получением своих стартпакетов. Вдруг вздрагиваю, потому что чья-то рука ложится мне на плечо.

— Приветик! — улыбается Ви, а потом оглядывает меня дольше, чем того требуют приличия.

— Привет, Ви! — отвечаю я, но все же задаю вопрос: — Перебор, да?

Я осматриваюсь вокруг в надежде, что замечу хоть какую-то девушку, которая так же вырядилась, как и я. Но тщетно. Сама Ви одета просто: лосины и длинный белый лонгслив, на поясе сумка, волосы собраны в хвост. Она, видимо, подбирает слова, но потом выдает:

— Да нет, ты точно ходячий Пинтерест! Рем глаз от тебя не оторвет. Да что он, все парни!

— И, кажется, это плохо... — поморщилась я, а сама хотела провалиться под землю или хотя бы начать этот день заново, стоя у гардероба.

Я надела белую юбку-балон выше колен и белую футболку с минималистичным принтом. Я привыкла так одеваться. В

мире, где я живу, правят искусство и самовыражение, а здесь миром правят... моноколеса, удобная одежда и экипировка до ушей.

Когда мы подошли к парням, они вовсе были заняты сборами, натягивая защиту на колени, локти и кисти рук. Ли первым увидел нас и присвистнул.

— Быстро ты ее нашла, — улыбнулся Ли и притянул к себе девушку.

— Ее трудно не заметить, — отозвалась Ви по-доброму.

Ромка разогнулся, закончив, и расплылся в улыбке.

— Очарован, Лина, ты прекрасна, — сказал он и мягко приобнял меня. — Не хочу запачкать тебя, ты в белом.

— Ты же натираешь всю броню[1] до блеска, Рем, педант хренов, — сдал его с потрохами Ли.

Ромка только усмехнулся, но продолжил стоять рядом. Шлем же был очень занят чем-то в телефоне, создавалось ощущение, что эти соревнования для него абсолютно по боку: он стоял просто в одежде, когда все вокруг уже почти готовы. Закончив свои невероятно важные дела, он наконец поднял глаза. Я знала, что он не оставит без внимания мой наряд, как и все присутствующие.

— Принцесса, ты точно не на бал собралась?

Он разглядывал меня с ног до головы. Медленно. Долго. Хотелось съежиться, но я только расправила плечи. Я чувствовала себя манекеном на витрине, который не может вымолвить ни слова.

— Она девушка, — развела руками Ви. — Все мы совершали эту ошибку, приходя на соре́вы к парню первый раз. Тем более она творческий человек, ей можно!

Чувствую, как мои щеки горят. К парню? Да мы не встречаемся с Ромкой! Пока...

— Да я не... — попыталась оправдаться я, хотя понятия не имела, что скажу дальше, и вдруг перевела тему на Ромку. — Ты готов?

— Всегда готов! — моментально отреагировал тот и широко улыбнулся своей ослепительной улыбкой.

Внутри что-то сжалось. Я так давно не видела Ромку, отвыкла от его улыбки, от которой тело всегда покрывалось мурашками. Мне хотелось, чтобы он улыбался только для меня. Всегда хотелось. Но могу ли я рассчитывать на это сейчас, когда вокруг столько девчонок? И значил ли хоть что-то тот его поцелуй?

— Хочешь поддержать? — спросил он вдруг, потянувшись за своим моноколесом.

Я напряглась. Эта штука не внушала мне никакого доверия, я даже не знаю, как правильно ее взять...

— Она же Принцесса, она только на велике может красиво педали крутить, — услышала я комментарий Шлема, который, не торопясь, прикалывал к груди номер «10».

— Я хотя бы физической нагрузкой занимаюсь, чтобы себя в форме держать, — брякнула я и, не подумав, выхватила у Ромки колесо за ручку.

Ли и Ви явно наша перепалка только забавляла. Ромка же осторожно поддерживал колесо сбоку.

— Попробуй, прежде чем судить, тут тоже важна физподготовка, — парировал он. — Но, если вдруг тебе интересно, я тренируюсь. По ночам. Не один.

Я поперхнулась, и он наконец взглянул на меня. Многозначительный взгляд из-под густых черных бровей и ухмылочка кота. Мои щеки запылали. Действительно ли секс он имел в виду? И вообще... Что он себе позволяет?

— Избавь нас от подробностей, — холодно произнес Ромка.

Шлем только довольно хмыкнул, но Ромка уже переключил свое внимание на меня:

— Это мой Ветеран, — я в непонимании воззрилась на него. — Мы не называем колеса «моноколесом» или «колесом», чаще по модели и бренду. У меня это Ветеран Паттон[2]. Между собой Батон. Батон, это Лина. Лина, это Батон.

— Приятно познакомиться... Батон, — неловко произнесла я, пытаясь сконцентрироваться на его колесе, а не на реплике Шлема.

Этот Батон реально оказался очень тяжелым. Даже, если учесть, что я не пыталась его поднять, а просто старалась держать вертикально. Но он то и дело заваливался из стороны в сторону. Я почувствовала, как руки начинают дрожать, и Ромка тут же перехватил его.

— Давай-ка я. Как тебе?

Я смотрела на Батон. И он выглядел совершенно незнаком, не был похож ни на один вид транспорта. Если ты не знаешь, что это колесо внутри, то и не догадаешься, столько всего было приделано поверх него. Батон был глубокого синего цвета, кое-где были видны царапины и потертости, но было видно, что Ромка ухаживает за ним.

— Название странное, — засмеялась я. — Выглядит интригующе, но я совсем ничего не могу тут понять. Как этой штукой вообще управлять?

— Разберешься со временем, — заверила меня Ви. — Объяснять бесполезно, надо пробовать.

— А то, что ты ничего не можешь понять — это нормально. Я тоже ничего не понимаю в Батоне Рема. Но почти все, что ты видишь сейчас, — это сплошь обвес[3], — пожал плечами Ли, широко улыбаясь. — Вот и все.

— Иди ты, я просто люблю тюнинг, — отмахнулся Ромка.

— Ты-то дааааа, эстет, а вот Фоксу вообще насрать на это, он же лютый колхозник.

— М? Что это значит? — вклинилась я в их разговор.

— То, что мне все равно на внешний вид своего Шмеля[4], — коротко ответил Шлем, копаясь в своем рюкзаке. — Важно не то, как выглядит твое колесо, а то, что внутри.

— Фокси, ты говоришь как олды — статусами из ВКонтакте, — подколола его Ви.

Но тот только показал ей средний палец и снова продол-

жил копаться в рюкзаке в поисках чего-то. Держу пари, у него и там бардак. Я бросила взгляд на его колесо: черное, заметно потертое, огромная царапина прямо по центру. Явно не такое навороченное, как у Ромки. Протер бы хоть...

Раздался первый сигнал, оповещающий о скором начале заезда.

— Пойдем, — взяла меня под руку Ви и потянула к трибунам. — Скоро все начнется. Зайдем хорошие места.

Я мгновение раздумывала, но все же быстро подбежала к Ромке и чмокнула его в щеку ровно перед тем, как он надел шлем.

— Удачи, — прошептала я, чувствуя на себе взгляд не одной, а двух пар глаз. — Желаю победы и... легкой катки.

Блеснула своими знаниями. Уходя от Ромки, я все же успела уловить слова, брошенные Шлемом:

— Ты уже проиграл, Рем. На каждом чертовом круге ты будешь смотреть только на нее.

Я не слышала, что ответил Рома. Ускорила темп и поджала губы, чувствуя, как сердце стало биться быстрее. Шлем подначивает Рому. Провоцирует. Но я тоже хороша: хотела поддержать, а теперь, получается, мешаю и могу вообще все ему испортить? Я заняла место рядом с Ви и замолкла, погружившись в свои мысли. Только постоянно дергала юбку, желая, чтобы она стала чуть длиннее.

Я смотрела, как парни и девушки быстро занимают свои

места для старта передвигаясь по площадке как муравьи. Их было не сорока человек. Вот уж не думала, что наш маленький городок способен на то, чтобы собрать спортсменов со всей России. А пьедестал разделят лишь трое... Я вдруг вспомнила свои чувства перед стартом, пока занималась атлетикой: мышцы в боевой готовности, нервы натянуты до предела, а все внимание обращено в слух, чтобы стартовать быстрее всех. И это был самый сложный момент для меня. Когда ты уже бежишь, ты как рыба в воде, ты делаешь то, что хорошо умеешь и знаешь, расставляя свой личный баланс силы и темпа. Но вот этот момент «до» — самый волнительный из всех. И он тянется бесконечно долго.

— И это все моноколесисты-профессионалы? – спросила я у Ви, разглядывая участников.

— Раз уж мы начали вводить тебя в курс дела, скажу сразу: не моноколесисты, а моноколесники. Даже лучше райдеры, иначе долго выговаривать. И нет, тут далеко не все профи.

— Но... — начала было я, но Ви меня опередила.

— Рем и Фокс – профи. Ли – любитель, он просто кайфует от процесса, вон погляди, — она показала мне куда-то в толпу.

И действительно, я заметила неоновую-зеленую куртку Ли и такой же шлем на нем. Обвес на его колесе тоже был ярко-зеленым, а еще на нем было много каких-то наклеек, видимо, любимых персонажей комиксов или сериалов. На шлеме тоже была какая-то картинка, кажется Рик из «Рик и Мор-

ти».

— Он тащится от самого процесса, не гонится за деньгами, — пожалала Ви плечами. — И это самое крутое, считаю. Когда хобби не превращается в заработок. Правда, высасывает все деньги, но фанатики — все такие.

Я нашла глазами в толпе Рому и Шлема. Они стояли неподалеку друг от друга. Ромка вызывал у меня дикий восторг: как ни крути, экипировка ему шла — синий комбинезон, на шлеме, который закрывал все лицо, был нарисован Веном. Жутковато и должно пугать соперников, видимо. Шлем же наконец полностью экипировался и тоже стоял в готовности на старте. Черная куртка с шипами, колючая, как и он сам, черные джинсы с дырками и разрезами, черное колесо. Только минималистичная неоновая красная полоска на шлеме и верхушке колеса. Если Ромка выглядел притягательно, стильно и походил на спортсмена, то Шлем был максимально прост, но в то же время он явно не планировал уступать первое место никому. Интересно, о чем они оба думают сейчас? Эти чертовы шлемы полностью скрывают лица.

— На кого ты смотришь? — спросила вдруг Ви и нахмурилась. — Не похоже, что на Рема. На Фокса?

— А он фанатик? — задумчиво ответила я.

— Фокс — это Фокс. Он фанатик, но никогда не даст тебе это понять. Он холодный и расчетливый, но внутри горит огонь желания победить. И это им движет.

— Призовой фонд им движет? — с сарказмом спросила я.

Наверное, тут неплохие деньги получают за призовые места.

— И да, и нет. Деньги для него не главное. Деньги — средство для достижения своих целей, — Ви достала телефон и принялась щелкать камерой. — Он не из тех, кто кутит. Цели Фокса сильнее любой другой мотивации для него.

Я нахмурилась, но уточнять уже не стала. Мы знакомы пару дней, не стоит пытаться разузнать подробности жизни друга Ви.

— Я ему не скажу, что ты его разглядывала, — подколола меня Ви.

— Ой можешь сказать, что я посылала ему проклятия отсюда. Он поверит, — парировала я и добавила: — Не нравится он мне.

Но Ви только отмахнулась:

— Когда человек не нравится, ты его не гипнотизируешь.

Как много мне хотелось возразить, но прозвучал сигнал о готовности и на сопровождающем табло начался обратный отсчет. Я затаила дыхание. Сейчас все начнется. Музыка резко стихла, на поле воцарилась гробовая тишина, которую нарушал легкий гул.

— Моторы поют, — с любовью прокомментировала Ви, а потом сложила ладони вместе в ожидании начала гонки.

Три. Два. Один.

[1] Броня – экипировка или снаряжение (сленг.)

[2] Ветеран Паттон – моноколесо Veteran Patton компании Leaperkim.

[3] Обвес - набор внешних, которые устанавливаются с целью изменить внешний вид колеса, придать более спортивный или индивидуальный облик, а также улучшить его аэродинамические характеристики или защитить кузов.

[4] Шмель – моноколесо Veteran Sherman L.

Глава 5. Фокс и его Принцесса

Моноколесники резко наклонились вперед, выбрасывая прямо обе руки, и ринулись по треку. Такого зрелища я точно никогда не видела! Почти сразу же я потеряла из виду наших парней: они уехали далеко вперед, ловко лавируя. Но большая часть участников осталась. Я непонимающе перевела взгляд на Ви:

— Волновой заезд, когда участники гонки запускаются интервально, чтобы не толкаться, - пояснила она.

После этого раздался еще один сигнал старта. Часть моноколесников посыпались при старте, создавая столпотворение для тех, кто позади. Но упавшие резко вставали, запрыгивали на свои колеса и двигались дальше.

Когда все участники наконец стартовали, резко стало тихо. Я ожидала, что наши парни сейчас уже появятся в этой части стадиона, заканчивая круг, но Ви показала на мониторы, которые явно установили специально для этих соревнований.

— Смотри, наши уже в лесу! – прокомментировала она.

— В лесу? – переспросила я, а сама пыталась взглянуть на мелькающие на мониторах фигуры спортсменов.

— Да, Пинтерест. Не по беговым дорожкам же им кататься. Это никому не интересно.

— Это трасса оффроуд? — уточнила я, пытаясь показать,

что как-то готовилась, хотя экзаменовать меня никто не планировал.

— Ага. Кочки, ямы, грязюка, пыль, песок, сухие ветки и гравий – наше все.

Теперь соревнования выходили на совсем другой уровень в моей голове. Кататься по полностью оснащенной трассе – одно. Едешь да едешь себе, изредка поворачивая, вырисовывая круги, а тут – бездорожье с полосой препятствий. И ты верхом на этой штуковине, держишь баланс и...

— Ой! – воскликнула Ви. – Держись, милый, непростой этот участок. Тебе только надо его преодолеть, а дальше как по маслу будет!

Ви мне нравилась. Она искренне переживала за своего парня. Она прямолинейна, честна и оптимистична. И хоть она и девчонка, среди этих парней она своя. Интересно, смогу ли я когда-то вписаться в эту компанию? И хочу ли? Но я точно знала, что буду только «за», если мы с Ви подружимся. При этой мысли я вспомнила о Миле и миллионах моих смс без ответа. Надо обязательно ей написать на днях в очередной раз. Но, может, на это сообщение она ответит, если я приложу ей несколько фоточек этих симпатичных моноколесников?..

Комментатор озвучивал основные события на трассе, называя номера участников. Оказалось, Ли, номер тридцать пять, запнулся на кочке и слетел со своего колеса. Но тут же продолжил движение, хотя эти чертовы миллисекунды в

спорте так много решают – знаю не понаслышке. Номера десять и пятнадцать, Шлем и Ромка, уже вот-вот должны приблизиться к какому-то мостику. Я только собиралась задать вопрос, но Ви меня опередила с пояснениями.

— Мостик смерти – узкий участок трассы, под ним вода. Одно неловкое движение — и ты открываешь купальный сезон райдеров.

И теперь, пожалуй, я начала переживать за Ромку. Но, похоже, зря. Друг за другом они ловко проехали по мостику в первый раз. Я даже с легкостью могла представить какую-то перепалку между напарниками (или соперниками?). Когда наконец они появились в поле зрения, то уже заметно отделились от общей массы, выбившись вперед. Я достала телефон. Сфоткала Ромку на его Зле. Вот это стиль, вот это эстетика! Ну и... Шлема, так и быть. Перешлю Миле. Такие в ее вкусе.

Парни быстро промчались мимо нас и исчезли из виду. Мои волосы развевались на ветру, лезли в рот и глаза, и я собрала их в хвост. Не так красиво, но тут никто и не смотрит. Надеюсь, Ромка тоже был сосредоточен на трассе, а не на мне, как прогнозировал ему Шлем. Через пару минут мимо проехал и Ли, но он все же помахал Ви.

— Сколько таких кругов будет? – спросила я, когда был спокойный момент.

— Три круга, двенадцать километров. Один позади, — выдала сводку Ви.

— А у них это давно? — задала я вопрос, который вертелся на языке. — Соперничество.

Ви хмыкнула и почесала затылок, раздумывая над ответом.

— Рем пришел в нашу команду два года назад, а мы катаем уже... года четыре, получается.

— Сразу с выпускного сели на колеса, что ли? — попыталась пошутить я.

— Ну... — Ви чуть погрустнела, и я испугалась, что мой вопрос оказался неуместным. — Мы с Ли сели на колеса в шестнадцать. Мои предки были против, конечно. А Ли всегда был свободным в принятии решений. Так что, мы не старики, Лина, нам только двадцать.

И она снова заулыбалась. От грусти не осталось и следа, хотя там точно была какая-то своя история.

— Фокс взял нас под свое крыло. Он катает уже лет шесть, наверное, — она заметила мой удивленный взгляд. — Ну он и постарше нас. Ему двадцать три.

— А ведет себя так, будто ему десять, — оставила я свой комментарий, ища глазами знакомые куртки на мониторах.

— Да он так, подогревает атмосферу, ничего серьезного, Лина, не обращай внимания. Никто не обижается на него.

— Так, а Ромка?

— Он единственный, кто живет не здесь. Мы познакомились на одних соревах в Питере. Сдружились, пока гоняли там. И заобщались. Ну его, конечно, задевают иногда подко-

лы Фокса. Ну у них приоритеты и ценности разные, вот и сталкиваются лбом.

Ви из рюкзака банку газировки и открыла. Этот звук пшикающей банки моментально разжег во мне жажду. Я с завистью глянула на банку.

— Будешь? — предложила Ви и протянула вторую.

— Да, жара невероятная. Спасибо.

Мы стукнулись друг с другом банками и расхохотались. Я явно сбрасывала напряжение от всего. Сажу здесь на трибунах, наряженная явно не по дресс-коду, пью колу, которую не пила сто лет, потому что следила за питанием, смотрю на моноколесников и болею за парня, которого не видела пять лет.

— Ну так вот, — продолжила Ви, посматривая на экраны с трансляцией. — Рем, Ромка твой, развлекается на колесе. Это для него кайф. Его не волнуют деньги, у отца бабок много, как я поняла...

— Да, — вспоминала я. — Вроде у него сеть автосервисов по стране или что-то в этом роде.

— Ну вот, видишь. Он по кайфу катает, но Батон свой модифицирует только так, накручивает что-то новенькое постоянно. Покупает дорожные детали. И места ему важны. Он любит первым быть. Для себя, не для денег. А тут Фокс, — она неопределенно развела руками. — Он свое первое никому не отдаст, вгрызется в глотку, если надо будет. Для него это вопрос жизни и смерти. Вот они и делят пьедестал по-

стоянно.

Я вздохнула. Относительно Ромки все было так, как и говорила Ви. Пока мы вместе учились, он всегда и везде хотел быть первым. Ну а кто не хочет?

— Ну Ромке двадцать, как и нам, его можно понять, — попыталась я оправдать друга. — Максимализм, все дела.

— А это не от возраста зависит, Пинтерест. Это то, что в крови. Возраст этого не изменит.

Может, она и права. И это было то, что объединяло этих двух совершенно разных, на первый взгляд, парней. Желание быть первым.

Тем временем часть участников уже отвалилась и выбыла из соревнования. Кто-то устало плелся, волоча колесо рядом с собой, кто-то просто сидел на краю трассы.

— Многие приходят покрасоваться, потусить, побыть в этой атмосфере, — пояснила Ви. — Почувствовать ее. Они в общем рейтинге позади и к топчикам не лезут, потому что знают – мало не покажется. И обычно одного круга их хватает. Потом они сами понимают, что трасса не по зубам и отваливаются.

— Поэтому ты не участвуешь?

Мне действительно было интересно, почему Ви сидит тут, а не катает.

— Я люблю покатушки в свое удовольствие, без достига-торства. А этим я могу и в свободное время заняться, не загружая трассу для соревнований. Смотри, смотри, заходят

на последний круг!

Я искала глазами Ромку и Шлема. Ехали рядом и, можно было бы подумать, что они друзья. Но теперь я знала, что этот круг решит все. Места для дружбы тут нет.

— Ну а ты, — внезапно переключила тему на меня Ви. — На что ты рассчитываешь относительно Рема?

— Вот так вопрос! — сконфузилась я, краснея и думая, что ответить. — Ну... ни на что вообще-то.

Кому я вру?

— Мы встретились спустя пять лет. У каждого своя жизнь. У меня восстановление после долгих трудных отношений, поэтому я просто хорошо провожу время. Живу для себя.

— Окей, — девушка заправила белую прядь за ухо и тронула меня за плечо, в глазах блеснуло понимание. — Надеюсь, что так. Рем не спутник на всю жизнь, Лина.

Я поджала губы. Почему она считает, что знает Ромку Ремова лучше меня? Они знакомы всего два года.

— Так, кажется, Ли выбыл... — заметила я зеленую куртку, съезжающую с трассы в нашем направлении, и поспешила сменить тему.

— Похоже, — расстроено ответила Ви и помахала Ли. — Наверное, опять воблинг словил. Все не слава богу.

— Воблинг?

— Да... — задумалась Ви. — Когда колесо начинает вибрировать и качаться из стороны в сторону.

Ли подъехал к нам, прыгнул с колеса и, оставив его внизу, пробрался к нам. Он явно был опечален, но старался не подавать виду.

— Что случилось? — спросила Ви.

— Потом расскажу, — расстроено проговорил Ли и нервно затеребил пирсинг на губе. — Давайте смотреть, где там наши.

Я увидела, как на одной из камер несется синяя куртка, а позади черная, приближаясь к узкому месту трассы.

— Мостик смерти, — прошептала я в напряжении.

Мы замерли, наблюдая. Казалось, что они так и проедут друг за другом этот участок, но Шлем в последние метры сделал рывок и опередил Ромку, заехав на мостик первым. Я ахнула, когда Ромка чуть качнулся в сторону. Я боялась, что он вот-вот потеряет равновесие и свалиться в воду, поэтому прижала ладони ко рту и зашептала: «Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста...». И Рома восстановил равновесие и пересек благополучно этот чертов мостик. Я выдохнула.

— Было касание, думаю, — подытожил спокойно Ли. — Фокс задел обвес Рема. Но там поганый участок, может, все же просто мотануло.

Я стиснула зубы. Еще чуть-чуть, и Ромка мог улететь в воду, полностью выбывая из соревнований. Я уверена на сто процентов, что дело вовсе не в участке.

Шлем приехал первым. На вручении наград он всегда был фулфуэйс — полностью в закрытом шлеме, как мне уже пояс-

нила Ви. Я смотрела на празднование и Ромку, занимающего второе место, и даже не замечала, как нога нервно постукивает. Я всегда была борцом за справедливость. Сама, когда участвовала в соревнованиях, никогда не «играла грязно», потому что знала бы, что не смогу спокойно спать потом, понимая, что это не полностью моя победа.

Ромка раскинул руки, чтобы обнять меня, когда церемония закончилась. Он плохо скрывал разочарование. Я вдохнула глубоко, сделала радостное лицо и обняла его в ответ крепко-крепко, восклицая:

— Я почти ничего не поняла, но ты молодец! Я тебя поздравляю, Ром! И ты шикарно выглядишь с этим кубком в форме.

Когда его внимание переключилось за Ли и Ви, толпа девчонок с восторгом окружила его, я сделала несколько шагов в сторону. Наверное, я должна была остаться рядом с Ромой, особенно сейчас, когда ему оказывали внимание столько разных девушек, которые разбирались в моноколесах в разы больше моего. Но я не могла так поступить с собой. Я целеустремленная. И моя цель сейчас – Шлем.

— Меня тоже планируешь обнять? – нахально спросил он, когда я уверенно подошла к нему.

Опять не вижу его лица. Как же это бесит.

— Сними шлем.

— Поцеловать хочешь за первое место, Принцесса? – спросил он, но шлем открыл.

Реально надеется, что ли? Вот придурок.

— Хочу высказать тебе все, что я думаю, — процедила я сквозь зубы.

На долю секунды в его глазах мелькнуло серьезное выражение лица и какая-то взрослость, но потом он снова надел маску сарказма.

— Мое правило номер один: в любви и в спорте все средства хороши.

— Пословица не так звучит, — осадил его я.

— Моя звучит именно так, Принцесса.

Почему-то мне стало интересно, что в его пословице не только спорт, но и любовь. А может, приплел просто так, заодно.

— Ты такими методами первые места собираешь? – рассердилась я и интуитивно сжала руки в кулаки. — Тогда грош цена твоим победам, Шлем.

— Не зови меня Шлемом. Мое имя — Фокс. И вообще, я играю по правилам, — серьезно сказал он.

Он почему-то не выглядел таким нахалом сейчас. Отвечал спокойно. Я осадилась. Может, я чем-то задела за живое? Не перегибаю ли я палку? Хотя то, как человек ведет себя в спорте, — отличный показатель того, какой он в жизни.

— Представляясь, называй свой полное имя, — вернула я ему его же фразу, но добавила уже более мирно: – Иначе так и останешься Шлемом.

— В моем имени вовсе нет никакой тайны, Принцесса, —

ответил Шлем, глядя на меня невозмутимым взглядом.

И теперь стало реально интересно, как же его зовут. Но я не собираюсь сейчас его спрашивать о настоящем имени. Он словно прочитал мои мысли и высунул язык:

— Но теперь я тебе его не скажу, Полина.

Чтоб его! Я добьюсь того, что он сам скажет мне свое имя. Чего бы это мне ни стоило! Я подошла ближе. Почти вплотную. И прошипела:

— Я Ли-на.

— А я Фокс.

Мы смотрели друг на друга и гневно молчали: я — гордо задрав подбородок в попытке хоть немного дотянуться до его роста, он — уверенный, что последнее слово будет за ним.

— Можно сделать ваше фото? — вдруг спросил какой-то парень с фотоаппаратом. — Для нашей местной группы. Твой проезд был шикарен, Фокс, каждому есть, чему поучиться у тебя!

Я фыркнула. Поучиться чему? Грязной игре?

— Сделаем фото с твоей девушкой? — не унимался парень.

У меня глаза на лоб полезли, а живот опять стало скручивать.

— Я не его девушка! — начала пыхтеть я. — Я его ...

«Терпеть не могу!» — хотела закончить я, но Шлем опередил меня:

— Преданная фанатка.

Ага. Иди в задницу, самовлюбленный нахал. Я уже развернулась в твердом намерении оставить этого актера без Оскара одного, но Шлем крепко схватил меня за руку и притянул к себе.

— Щелкай, быстро! — бросил он парню.

Мы были слишком близко друг к другу. Он властно обнял меня за талию и притянул к себе еще ближе, и я буквально прижалась к его груди спиной. Я почувствовала горячее дыхание и запах пота с сигаретами, а еще запах... моторного масла. А потом он тихо сказал мне, а его слова мурашками отдались на коже:

— Моя же фотка у тебя есть. Это нечестно.

Резким движением Шлем опустил визор, и тут же сработала вспышка.

Честно, я пыталась изобразить какое-то нормальное лицо, но, меня настолько распирало от ненависти к этому парню, что вряд ли это получилось. Он заметил, что я его снимала на трибуне? Да как это вообще возможно? Я пожалела, что у меня не было шлема, чтобы скрыть свои эмоции, в отличие от того, кто стоял позади меня.

— Скинь потом мне фотки. Поставлю на аватарку свою Принцессу.

Я наспех попрощалась со всеми и ушла со стадиона, решив, что с этим самовлюблённым придурком мы больше не встретимся никогда. И плевать мне на его чертово имя.

Вечером я занималась своим последним проектом. Слу-

шала музыку, полностью погрузившись в процесс, но в один момент пришло оповещение. Ви прислала мне пост из местной группы моноколесников с комментарием «Рему это не понравится, Пинтерест». Я настороженно открыла пост.

Совместное фото со Шлемом. «Фокс и его Принцесса. Победа за лучшим!» — гласила надпись под фото. Я получилась довольно мило, хотя в моменте думала только о том, как придушу Шлема. Я зашла в комментарии, а там люди только и обсуждали то, как мы хорошо смотримся. Это шутка?!..

Я ответила Ви коротко:

«Черт. Надеюсь, он этого не увидит. Это не я.»

Ответ пришел сразу:

«Уже увидел, и он это так не оставит, поверь))) И я знаю, что это не ты, Пинтерест.
 PS. Я говорила, что в этом весь Фокс. Ему везде нужно быть первым.»

Я задумалась и еще несколько минут разглядывала это чертово фото. А потом поймала себя на мысли, что вообще-то разглядываю не от себя. Его. Даже при условии, что его лицо закрыто шлемом.

 Дорогие читатели! Надеюсь, вам нравится история Лины и Фокса, я буду рада, если вы оставите комментарий и поделитесь впечатлениями)
 Ваша активность на книге - моя радость!

Глава 6. Трепет воспоминаний

Рома написал мне через пару минут и пригласил выпить кофе на следующее утро. Я предложила ему встретиться в десять утра, но он, сославшись на бурное празднование, перенес встречу на одиннадцать. Я спокойно погуляла с Лаки, но по мере приближения стрелки часов к одиннадцати начала заметно нервничать.

Как себя с ним вести после этого фото? Что он вообще об этом думает? Я старалась отогнать эти мысли, потому что мы с ним не пара. Между нами есть давняя дружба и, явно, симпатия. Но есть ли что-то большее? В любом случае я скажу ему, как есть: Шлем притянул к себе и насильно заставил с ним сфотографироваться, а фотограф все неправильно понял. Вот так.

Ромка не опоздал и позвонил в дверь вовремя. Выглядел он уставшим с этими взъерошенными кверху волосами, от него еще пахло алкоголем и сигаретами. Но выглядел он что надо. Наверное, у него в гардеробе в принципе нет плохих вещей. Что не вытащишь – все стильно.

Лаки встретил его с бешеным восторгом, сразу к нему проникся и развалился, оголив пузо.

— Чеси! – рассмеялась я, когда Рома зашел внутрь квартиры. – Теперь не отвертись.

— Люблю собак! – ответил он, улыбнувшись, и присел на

корточки, чтобы погладить пса.

— Я помню, — ответила я.

Перед глазами оживали воспоминания: мы гуляем вместе после школы с Ромкой, он ведет на поводке огромного ротвейлера ростом с него самого, а тот норовит подобрать какую-то пакость с земли и тянет Ромку то туда, то сюда. Ромка как веточка колышется из стороны в сторону не в силах удержать здорового пса. А еще помню, как однажды его собака ловко выхватила у меня кекс, только что испеченный мамой Ромки. Ромка только заливисто рассмеялся и сказал: «В нашей семье клювом не щелкают!». У меня тогда не было собаки, но я очень ее хотела.

— Как Соьер? – спросила я, выныривая из воспоминаний.

— Соьер умер пару лет назад, — вздохнул он. – Старость.

— Мне жаль, — затихла я. — Несправедливо, да?

— Что есть, то есть. Но я решил, что не буду больше заводить собаку. Слишком больно терять. Да и я весь в разъездах. Надеюсь, на небе Соьер наестся кексов до отвала.

— Но, чтобы живот не болел!

— Точно! – и мы рассмеялись.

Помнит тот случай...

— А это мой Лаки.

Я присела к Лаки и начала чесать ему за ухом. Лаки благодарно заурчал и начал облизываться.

— Будем друзьями, Лаки. Я Рем, — он пожал ему лапу.

Я задумалась и решила задать ему вопрос, который вер-

телся на языке несколько дней.

— Мне тоже теперь звать тебя Рем?

И почему мне страшно услышать ответ?

— Можешь звать меня Ромой, я не против. В счет старой дружбы. Но меня, конечно, так давно никто не зовет уже, если честно.

— Поняла. Рем, — я попробовала на вкус имя.

Рем – новое, незнакомое для меня. Он для меня всегда был Ромкой, Ромой Ремовым. Его я знала хорошо. Но могу ли я утверждать, что сейчас передо мной все тот же Рома?..

— Твое рабочее место? – кивнул он в сторону другой комнаты.

— Да, но там беспорядок, — сморщилась я.

— Могу взглянуть? Я знаю, что такое беспорядок по автосервисам отца, поверь. Ты меня не удивишь!

— Сам напросился, — усмехнулась я и рукой предложила пройти.

Сама же я шла за Ромой. Ремом. И на мгновение поняла, что так непривычно его присутствие здесь. В моей квартире. Где так долго я жила вместе с Андреем. Здесь никогда не было других парней, даже друзей или знакомых. И теперь это осознание металлическим звоном отдавалось у меня в голове.

— О нет! Похоже, я погорячился! – рассмеялся Рем, а я закрыла глаза рукой, пытаясь сдержать свой смех. – Окей, ты победила, Лина. Ну...видимо, в хаосе рождаются шедевры,

да?

— Типа того...

Захотелось моментально все прибрать. Знаете, когда в фильмах показывают, как парень приходит к девушке, она просит его несколько минут подождать, а сама распахивает весь хлам по шкафам и под кровать? Вот, хотелось сделать то же самое, честно говоря.

— Покажешь, над чем работаешь? – он подошел к столу.

Показать парню, в которого я влюблена еще со школы, рисунок, на котором его главный соперник? После вчерашнего? Равносильно самоубийству. Я подошла к столу и сделала вид, будто что-то ищу, загребая портрет Шлема куда подальше. Сердце стучало. Тук-тук.

— Вот! Нашла! – победно подняла я какой-то старый эскиз. – Рисую иллюстрации для книг. Летом это основная моя работа.

Рем делал вид, что разглядывает рисунок, но я видела, что ему не особо интересно. Еще бы, там был какой-то странный зеленый эльф, которого я нарисовала от скуки... Тоже мне шедевр. Ну да ладно, я переживу.

— Помню, как ты устроила себе челлендж в восьмом классе, когда за неделю нарисовала всех одноклассников. Ты рисовала даже на уроках!

— Кажется, хоть что-то не меняется! – рассмеялась я, вспоминая этот эпизод. – Только теперь на моих уроках это поощряется.

— Свой портрет до сих пор храню, кстати. Ни одна из фанаток не нарисовала лучше тебя, Лина. У тебя талант!

Что-то в груди сжалось от этого понимания. Он помнит меня. Ценит. Хранит.

— И да, не только это не меняется. Я все тот же, — пожал плечами он и подошел ближе. — И, думаю, ты тоже. И ... ты по-прежнему потрясающе красива.

Я резко втянула воздух. Голова закружилась. Желание задать те самые вопросы, которые так долго вертелись в голове после его переезда, зашкаливало. Почему он перестал мне писать? Что стало с нашей дружбой? Была ли она вообще? Но я не готова услышать ответ. Не сейчас.

Я подняла на него глаза и сглотнула. Они резко наполнились желанием и огнем. Готова ли я отдаться этому порыву и «жить для себя», как я сказала Ви? Он приехал из ниоткуда, уедет в никуда, я ничего не знаю о его нынешней жизни. Но я так давно хотела, чтобы он смотрел на меня именно так...

Он нежно коснулся моей щеки. Память предательски подкинула мне воспоминания: он смеется в компании друзей на школьном стадионе, а я люблюсь им украдкой. Мы делим один зонт под осенним дождём, пока идем в наше кафе после уроков. Он пишет мне записку «Не грусти, я рядом. У меня тоже неуд:)» после объявления результатов контрольной по истории.

И вот он здесь, так близко, что я слышу его дыхание, смешанное с легким запахом алкоголя и наших общих воспоминаний.

наний. Его губы едва касаются моей кожи, и тепло от этого прикосновения прокатывается по спине волнами возбуждения. Сердце колотится, как в те дни, когда я ждала его сообщения вечерами.

— Будь моей, Лина, — прошептал он мне и быстро стал расстегивать пуговицы на моей рубашке.

Но чем дальше он заходил, тем больше я понимала, что в его прикосновениях больше нет заботы. Только желание. Физическое, нетерпеливое, жадное.

Я слишком долго мечтала об этом моменте, чтобы позволить ему случиться так. Я не готова «жить для себя». Не с ним. Это оказалось не в моих принципах. Мне нужно большее от него. Всегда было нужно.

Я резко отстраняюсь.

— Давай не будем торопиться... Рем, — собралась я с силами, а мой голос звучал так непривычно и словно издалека.

Он остановился, убрал руки и отошел, отвернувшись к окну.

— Прости, я не так тебя понял, очевидно, — он задумчиво чесал затылок, но тон его голоса был сдержанным.

— Ты мне всегда нравился, — попыталась объяснить я. — Этого не отнять. Но мы не виделись пять лет. Тебе не кажется это странным — начинать общение так? А что, если мы потеряем то, небольшое, что у нас еще осталось?

Он долго молчал.

— Наверное, я с катушек слетел после этой катки и твоего

фото с Фоксом, — признался Рем и наконец повернулся ко мне.

Я же стояла там, где он меня и оставил, только закончила уже застегивать свои пуговицы обратно. Все ясно. Я не знала, где и когда он упомянет это фото. Я, что, трофей?

— Ты думал, я сама подошла к нему для фото, серьезно?

— Я не знал, что думать, Лина. А после ты почти сразу ушла. Я злюсь. На Фокса. На тебя. На себя.

И я рассказала ему, как все было на самом деле.

— Вот лис хренов. Решил меня добить. Придурок, знает, как побольнее сделать, — выругался Рем, и в его голосе было не только раздражение, как описывала Ви, а скорее давние обиды и злость.

А потом он спросил:

— Между вами что-то есть? Я должен знать, — и это звучало требовательно, как будто один мой ответ станет решающим для него.

— Есть, — я сделала паузу. — Ненависть до кончиков пальцев.

Рем усмехнулся:

— Тогда мы на одной стороне, — и обнял меня, но уже мягко.

Мы какое-то время стояли так. Выпуская пар и приходя в себя. Я вспоминала школу, последний год вместе, и когда он также обнимал меня перед самым отъездом. И как потом однажды не ответил на мое сообщение... Через несколько

минут он добавил:

— Не будем торопиться, ты права. Начнем с кафе, как и планировали.

Мы вышли из квартиры, оставив за дверью всю неловкость этой ситуации. И первые несколько минут разговор не клеился, но постепенно мы стали оживать, вспоминая школьные истории.

— Смотри-ка, тут все еще есть наше кафе! – радостно воскликнул Рем, когда мы оказались неподалеку от школы. – А тут еще подают тот грушевый пирог?

— Тартатин, — радостно закивала я. – Давай узнаем.

Мы разместились в нашем кафе, где в былые времена проводили не один час после уроков за обсуждением домашки, учителей и справедливости поставленных нам оценок. Я никогда не была отличницей, хотя старалась учиться упорно и с пониманием. Рему же было по барабану на оценки. Его интересовала физика и математика. И отцовский бизнес – семейное дело, которое потом перейдет ему. Для него все было уготовлено. И он был не против.

— Два горячих шоколада и два пирога с грушей, — сделал заказ Рем.

— Один шоколад и капучино без сахара, — поправила я, а Рему пояснила: — Теперь почти не ем сладкое.

— Что-то все же поменялось, выходит...

— Это мелочи, Рем, — успокоила его я. – А вот с твоим обменом веществ, видимо, ничего не происходит!

Мы сели за наш столик.

— Ну слава богу, хоть пирог подают еще, — довольно улыбнулся он, когда нам принесли заказ, и сразу его попробовал. — Выше всяких похвал!

— Признайся, ты сюда за этим приехал, да? — подколола его я.

Он призадумался, размышлял, говорить или нет. Но все же решил:

— Я приехал на соревы прежде всего. Но, конечно, я приехал и из-за тебя, Лина. Это двойная удача, что я встретил тебя тогда в лесу. Я бы тебе все равно написал, после катки собирался.

Мне было приятно это слышать, на душе теплело, а мои вопросы Рему отодвигались на задворки все дальше и дальше. Об утренней ситуации совсем не хотелось вспоминать. Не хотелось чувствовать себя трофеем. Рем, тем временем, продолжал:

— Но есть и еще кое-что. Ты, наверное, думаешь, что нам с Фоксом с нашим соперничеством не место в одной команде...

— Я ничего в этом не смыслю, Рем.

— И все же: он офигенный механик. Ставит на ноги ту технику, которую давно на пенсию пора отправить, — Рем вздохнул. — И он мне нужен. А точнее, хочу его в команду филиала нашего автосервиса здесь.

— Стой, вы открываете филиал здесь? — переспросила я.

— Да. Сеть разрослась, и отец решил, что не зайти в родной город с крутым и качественным сервисом — преступление.

Я согласно кивнула, продолжая слушать.

— Но вот беда, Фокс не соглашается.

— Почему же?

— Упрямый хрен. Не хочет клиентов своих терять, наверное, или со мной работать не хочет, — пожимает Рем плечами.

— А ты... планируешь здесь остаться?

Я замираю в ожидании его ответа.

— Кто знает. Зависит от того, как пойдут дела. Но, если решим все же открыться, и этот лис согласится, то тут, однозначно, будет большая стройка и надо будет налаживать процесс. Так что да, надеюсь, что останусь.

Я заулыбалась и даже решила порадовать себя пирогом. Кажется, этот день не так плох!

Мы еще несколько часов говорили о том, о сем. И Рем пригласил меня снова как-нибудь собраться всей компанией. Он заверил, что Ли с Ви просто в восторге от меня. Но над его предложением я еще раздумывала. Все завертелось слишком быстро, и мне нужна был пауза.

Вечером у меня было еще одно важное дело. Я долго думала, как подступиться, а потом просто скинула Миле фото Шлема на моноколесе с подписью: «Красавчик-недотрога, колючий, как самый острый кактус, жаждет встречи с тобой,

детка.» И ее ответ не заставил себя долго ждать.

Мила:

«Это ты где такого плейбоя нашла?»

Я:

«В нашем парке. Этот придурок чуть не сбил меня с ног, когда я бегала!»

Мила:

«Расскажи, где такого найти, и, может быть, я прощу тебя...»

Мила, Мила, как же я раньше не додумалась отправить тебе фото горячего парня?! Так, стоп. Шлем к таким не относится вообще-то.

Перед сном я не могла отпустить мысли. Неоднозначный день получился! Если Рем останется, то наши отношения могут поменять курс на что-то большее, чем просто «секс на одну ночь». Похоже, что от одного согласия Шлема зависит куда больше, чем просто судьба одного филиала автосервиса. И, может, я могу как-то на его мнение повлиять?

Глава 7. Слишком близко к Шлему...

На следующий день я пригласила Милу покататься на велосипедах в парке. В хорошие времена нашей дружбы мы там проводили теплые деньки: брали велики, корзинку для пикника, провизию в виде всяких вкусностей и оседали где-то в глубине леса на долгие часы разговоров, рисунков и смеха. Мне этого очень не хватало, не хватало ее поддержки и честности, ее силы в нужные, важные моменты. Мила – тот человек, которого, найдя в жизни раз, никогда нельзя позволить себе потерять. Но я это сделала. И теперь готова лезть из кожи вон, чтобы вернуть нашу дружбу.

После того, как мы поссорились из-за Андрея, она перестала вообще со мной разговаривать. Я стала для нее пустым местом. На парах она пересела в самый дальний от меня угол и первое время кидала гневные взгляды, а потом и вовсе перестала замечать. И это было тяжелее всего. Пока Андрей был рядом, а я чувствовала себя правой, все было вполне неплохо, но вот после... Каждый из нас троих был словно вершиной равностороннего треугольника: равноудален друг от друга. Вот только о расставании с Андреем я сейчас не жалела в отличие от ссоры с подругой. И мне повезло, что она согласилась встретиться.

— А ты подготовилась! – воскликнула Мила, когда я разложила свою корзинку, наполненную сэндвичами, фруктами, кубиками для коктейлей и шейкером.

— Как и всегда, — улыбнулась я, а в душе появилась надежда на то, что у нас получится восстановить отношения.

— А планшет для рисования и листы тоже взяла? – прищурила глаза подруга, расстилая плед.

Я молча достала из сумки два планшета и кипу листов для набросков, разложила на пледе маркеры и карандаши.

— Ты слишком хорошо меня знаешь, — заключила она и вздохнула.

Дело было в том, что Мила любила всегда и везде делать наброски. Она никогда не знала, где настигнет ее вдохновение и в какой момент родится гениальная идея для следующей работы, поэтому предпочитала всегда носить с собой дорожный набор художника. И я об этом, конечно, помнила.

Лаки резвился на полянке перед нами, пока мы поедали сэндвичи, которые я готовила с особенным усердием по всем правилам правильного питания. Это то, на чем я сосредоточена уже несколько месяцев, и пока все еще не могу воспроизводить рецепты по памяти.

— Это божественно! – с удовольствием проговорила Мила, хотя ее рот был полностью набит сэндвичем.

— Ты вегетарианка, тебе все вкусно! – подколола ее я.

— Тоже верно, — засмеялась она.

В какой-то момент Мила молча взяла планшет и начала

рисовать. Я тоже подумала, что было бы круто порисовать что-то вне своей работы и начала выбирать вид для наброска. И Мила отлично подходила для этой задачи. Ее темные кудрявые волосы красиво спадали на оголенные плечи, она была сосредоточена, изредка жуя кончик карандаша. В волосах уже красовался одуванчик – когда она только успела его сорвать? Вся она была воздушная, нежная, красивая. Я, хоть и была стройной и красивой, но не чувствовала в себе этой легкости. Я никогда не была оптимисткой, скорее борцом за правду, и, может, поэтому Мила на следующий день после знакомства прозвала меня «Острый язычок», потому что я отказалась называть свое полное имя в деканате. В паспорте давно стояло простое «Лина», но при поступлении почему-то начались вопросы. Мы с ней были разными, но это и неплохо.

Через несколько минут молчания Мила поделилась тем, что устроилась работать графическим дизайнером в компанию, куда давно хотела попасть. Платят неплохо, есть возможность карьерного роста. Первый месяц пролетел быстро, работа была интересной и творческой. Руководитель давал ей полную свободу по результатам стажировки – а это вообще находка для творческого человека.

— Это прекрасно! — приобняла ее я. — Я рада за тебя! Всегда верила, что ты свернешь горы!

— Спасибо, — неловко улыбнулась она. — Мы правда, вместе хотели пройти стажировку, помнишь?

Конечно, я отказалась от этой идеи, когда мы поссорились. Я знала, Миле непросто: она в другом городе, ей нужно устроить свою жизнь. Еще я со своими обвинениями. Поэтому я просто выбрала другую вакансию.

— Было дело, — после паузы ответила я. — Но, знаешь, мне реально хватает работы, Мил. Еще чуть-чуть — и все книги будут выходить с моими артами.

— Тебе, конечно, больше повезло! — Мила задумчиво затеребила сережку — такая у нее была привычка. — Фриланс дает больше свободы. Не знаю, как буду потом совмещать с учебой...

— Фриланс дает больше свободы, только если ты сама можешь загонять себя в рамки и отстаивать свои границы перед клиентами... — дополнила я ее фразу. — Работаю я по-прежнему много. Ничего не дается легко. Разберемся как-нибудь в начале семестра. Как и всегда!

Какое-то время мы молчали, погрузившись в свои наброски. Лаки устроился между нами и устало высунул язык: набегался за птицами от души. Солнце приятно грело, но еще оставалась утренняя прохлада, и трава была чуть покрыта росой. Летали бабочки и стрекозы, было тихо и спокойно.

Знаете, бывает момент, когда ссора и немой конфликт настолько затягивается, что, все кажется неправильным, но ты по инерции держишься своей стороны. Потому что просто привык уже так. Но, сделай хоть кто-то из вас шаг навстречу, подобрав правильный ключик, то все баррикады разом пада-

ют, и атмосфера теплеет.

Я решила, что пора затронуть эту самую тему:

— Я не хочу делать вид, что ничего не случилось, Мил,
— тихо произнесла я. — Я не должна была так с тобой поступать.

— Ты любила Андрея, — подруга не смотрела мне в глаза, снова затеребила сережку: нервничала.

— Тебя я тоже люблю. Я сделала неправильный выбор. И мне очень жаль, — я коснулась ее руки.

— Мне тоже. Ты моя лучшая подруга. Я никогда не хочу ссориться с тобой из-за парней больше.

— Ты тоже моя лучшая подруга. Они того не стоят. Это факт.

И мы рассмеялись. Легко и звонко. Так, как не смеялись обе уже очень давно.

— Я рада, что ты с ним рассталась. Ты достойна лучшего! — подруга потянулась за новой порцией безалкогольного мохито и шейкером.

Я только согласно кивнула, не желая возвращаться мыслями к расставанию с Андреем. У каждого теперь своя жизнь, и я не хочу, чтобы он хотя бы на секунду занимал мою голову.

— Но, если бы ты мне не скинула того красавчика, я бы еще подумала, правда... — начала набивать себе цену Мила.

— Ну хоть одно полезное дело он сделал! — поджала я губы.

— Так, так. Давай-ка все с самого начала рассказывай,

— заговорщически произнесла подруга и уселась поудобнее, развернувшись ко мне. — Я никуда не спешу.

Я решила, что набросок тоже может подождать, поэтому рассказала ей обо всем, начиная с той самой пробежки в этом самом парке.

— То есть, этот красавчик — тот еще король сарказма и колкостей, да? — подытожила Мила, ухмыляясь. — Люблю таких!

— А я ненавижу! Он всегда ставит меня в неловкое положение и перед Ремом, и перед самой собой. Но я сдаваться не намерена! И я не скажу ему свое имя, пока не услышу его. Это война, Мила. Без вариантов.

— Так, а твой Рем, кстати, знает вообще историю твоего имени? — она пыталась уследить за ходом моих мыслей. — Потому что, если он знает, то сам и расскажет ему...

— Нет, — отрезала я. — Знаешь только ты и мама. Рем знает только то, что это сокращенное имя, меня так зовут все с начальной школы, он привык и никогда не задавался вопросом. И все было хорошо, пока не появился этот... нахал. Который каждый раз делает на этом акцент, словно забавляясь, но он не понимает, что это каждый чертов раз возвращает меня к воспоминаниям об отце.

— Скажи ему. Попроси не поднимать эту тему, — предложила Мила, грызя карандаш.

Я сказала Миле свое настоящее имя, когда она поделилась со мной своим секретом. Эта улыбчивая и сильная девуш-

ка сбежала ото всех в другой город, чтобы никогда больше не пересекаться с отчимом. Ее мама вышла повторно замуж, когда Миле было пятнадцать. А через год отчим стал приставать к Миле. Мама не верила ей, а оставаться под одной крышей было больше невозможно. Поэтому она просто уехала к бабушке с дедушкой, а после окончания школы переехала как можно дальше. И больше не общалась с матерью. После совершеннолетия она сменила фамилию в паспорте и во всех соцсетях, взяв одну из самых распространенных в России — Петрова. У меня тоже есть своя история, и я поделилась ей с Милой и надеюсь, когда-нибудь открою свое настоящее имя любимому человеку — тому, в ком буду точно уверена. Потому что мое имя — это

— Слабое место. А Шлем никогда не должен знать, что у меня есть слабые места.

— Интересно было бы с ним познакомиться! — воодушевленно воскликнула Мила. — Хотя кто-то оказался с тобой на равных в колкостях.

— Я вообще-то как раз и хотела сосватать его тебе, ты же любишь таких парней.

И тут, словно по мановению волшебной палочки тишину вокруг разрушил до боли знакомый звук моторов. Сначала материализовался Шлем. Вспомнишь солнышко, вот и лучики. Правда, к Шлему другая поговорка больше подходит, но она не такая приличная...

— Принцесса.

Шлем сделал импровизированный поклон прямо на колесе — получилось не очень. Мила незаметно ткнула меня локтем в бок, прошептала вопросительно: «Принцесса?» и подняла брови. Нахал же ловко спрыгнул со своего Шмеля, снял шлем и протянул руку Миле.

— Фокс, приятно познакомиться.

А потом он мило улыбнулся ей так, как улыбаются довольные жизнью коты, и ... поцеловал ее руку. Вот наглец! Создает слишком хорошее впечатление о себе. Мила не купится на этот фарс. Надеюсь...

— Мила, — подруга включила все свое обаяние и прикусила нижнюю губу, глядя на него из-под густых черных ресниц. — Рада познакомиться! Лина столько о тебе рассказывала.

Она клюнула или просто флиртует? Но меня-то сдала с потрохами. Хочет поймать его в сети или посмотреть, как я буду выкручиваться? В любом случае, у меня своя игра. Я демонстративно закатила глаза.

— Тоже рад тебя видеть! — улыбнулся мне Шлем как ни в чем не бывало. — Ты же в курсе, что моя названная в соцсетях девушка вполне может сделать вид, что тоже рада меня видеть.

Я почувствовала еще один вопросительный взгляд Милы на себе, но оставила его без внимания.

— Я знать не знаю, что происходит у тебя в соцсетях, Шлем. Но можешь и дальше фантазировать обо мне по но-

чам, тебе ничего не светит, — жестко отчеканила я.

После той его выходки с фото мне меньше всего хотелось поднимать эту тему снова. Шлем наклонил голову, внимательно вглядываясь в меня, а потом молча достал сигарету и закурил. В этот момент подъехал Рем и парочка Ли и Ви. Рем обрадовался, увидев меня, припарковал свой Батон и бодро зашагал ко мне. Я встала ему навстречу, и мы обнялись, но он, словно чувствуя на себе взгляд Шлема, мягко взял меня за подбородок и поцеловал в губы. Долго, нежно, чувственно. Наступила неловкая пауза, потому что мы никому не говорили о том, что наши отношения стали чем-то большим, чем дружба. И я даже еще сама словно в этом сомневалась.

— Рем, роль Принца тебе не к лицу.

Шлем не смотрел в нашу сторону, а разглядывал плывущий по воздуху дым.

— Тут других кандидатур нет, — коротко парировал Рем и крепко прижал меня к себе за талию.

Сердце забилося, я обняла Рема в ответ, но чувствовала себя неловко, проявляя свои чувства вот так, перед другими людьми, чувствуя, что за нами наблюдают. А может, я просто забыла, что значит «быть с парнем»?

Лаки тоже обрадовался встрече со знакомым и вился у наших ног. Ли и Ви познакомились с Милой и теперь наглаживали моего балдеющего пса. Кажется, кому-то сегодня перепало слишком много радостей! Лаки ластился и к Шлему, но тот отодвигал его ногой, приговаривая:

— Я люблю кошек, прости, братан.

Кто бы сомневался!

Хорошо, что я наделала сэндвичей с запасом, потому что ребята явно были голодны. Они налетели на них, как самые настоящие спортсмены после соревнований, располагаясь на нашем пледе. Что ж... все как-то в моей жизни идет не по плану, но, похоже, пора с этим смириться. Разговор завязался сам собой и, вот, Ви уже болтает с Милой о том, почему именно моноколесо ее привлекло в свое время:

— Ты знаешь, на нем я чувствую себя свободной., — слышу я обрывки фраз. — Свобода в движениях. В мыслях. И то, в какое комьюнити я попала, однажды встав на колесо... Это бесценно!

Мне кажется, или Ви даже прослезилась? Может, мне тоже стоит попробовать освоить эту штуку? Все-таки я спортсменка по жизни, много на чем катаюсь, у меня должно получиться! Но уж точно не сегодня.

Рем тем временем пристроился рядом со мной, жевал сэндвич с курицей и болтал о покатушках с Ли. Похоже, они обсуждали какие-то технические моменты предстоящего заезда, в которых я точно была не сильна. Я легла на спину и смотрела на небо. Сейчас так редко получается просто остановиться в моменте. А в детстве я могла часами лежать вот так и смотреть за бегущими облаками. Но моему желанию расслабиться сейчас не суждено было сбыться. Белые облака загородило лицо. Темная щетина, мокрые от пота кудрявые

волосы, а на левой щеке шрам. Не замечала раньше его.

— А есть что-то мясное, Принцесса? Или вы с подружкой только святым духом и минералкой питаетесь? — раздался до боли знакомый голос, а моя зубы сразу заскрежетали друг об друга.

— Ты загородил мне небо, — процедила я, закрывая рукой глаза.

— Еще никто не жаловался, когда я был сверху, Капитолина.

Может, он признается наконец, что он тренируется по ночам не с горячими девчонками, а с книжкой имен, чтобы выпечить все, достойные сокращения до «Лина»? Вот в это я точно могу поверить. Хотя и в другое тоже придется поверить, судя по тому, как Мила растаяла словно мороженое перед ним. Видимо, девчонки ведутся.

— Все бывает в первый раз, Шлем, — холодно ответила я, но добавила: — Тебе, видимо, достался вегетарианский сэндвич, тот, что для Милы. Мясные правее в корзинке.

— Спасибо.

О, оказывается, приятно услышать от него благодарность. Редкое явление. Запомню этот момент. Моему взору снова открылось голубое небо.

— Фокс, — через несколько минут заговорила Мила приторно-сладким голосом. — Не покажешь, как кататься на этой штуке? Я слышала, ты очень опытный в этом вопросе.

А подруга явно не промах: хочет взять в оборот. Сможет

ли она приручить этого скакуна?..

— Конечно, Мила, — дружелюбно отозвался Шлем.

Ее имя он запомнил. И не стал лезть к ней с расспросами. Я приоткрыла один глаз, надеясь, посмотреть на это мероприятие.

— Лина, а ты хочешь попробовать? — спросил Рем, аккуратно касаясь моей руки. — Вместе веселее.

— Может, в другой раз? — мягко спросила я, не желая вникать в эти тонкости баланса и маневрирования.

— Она — консерватор до мозга костей, — пробубнил Шлем. — Кроссовки и велик — ее предел.

Я резко села и бросила на него испепеляющий взгляд. Какого черта?

— Ну-ка дай свое колесо сюда, Шлем.

Провокатор. Но я же какого-то черта ведушь на это...

 Друзья, приглашаю вас в свою новинку: "Мой Гонщик, или (Не) любовь с врагом"

Читать историю тут:

https://litnet.com/shrt/_yW2

Глава 8. Командная работа

Он молча затоптал сигарету и протянул мне колесо: не то, что было на соревнованиях, а какое-то полегче и меньше.

— У тебя разные колеса на все случаи жизни? Как платья у девушек? — язвительно спросила я, пытаюсь удержать колесо, по ощущениям, оно было около двадцати килограммов.

— На все случаи жизни, — ухмыльнулся он и пожал плечами. — Я же спортсмен.

Тоже мне спортсмен. Пока я все еще не понимаю, в чем тут спорт.

Одежду утром, надо сказать, я выбирала с учетом пикника. И никак не рассчитывала на обучение на моноколесе, поэтому надела тот самый белый сарафан, который можно охарактеризовать как свадебный. Но что поделать — дороги назад нет.

Шлем принялся снимать с себя защиту. Он аккуратно положил шлем на землю. В этот момент я испытала даже какой-то восторг, что наконец-то смогу сама побыть в шлеме — закрыться ото всех. А надеть ЕГО шлем — это как побыть немного в его шкуре. Хотя... с каких пор мне вообще это нужно?!

— Стой смирно и подними платье, — спокойно произнес он, подойдя ко мне с наколенниками.

Я поджала губы и задрала платье чуть выше колен. Шлем присел передо мной и принялся застегивать защиту. Его руки хоть и были внешне мозолистыми и грубыми, но я этого не чувствовала. Может, он знал, что мне будут неприятны его касания, поэтому практически не касался пальцами моей кожи. Но я прерывисто вдохнула, когда его рука все-таки задела заднюю поверхность бедра чуть выше колена. Тело предательски покрылось мурашками. За что оно со мной так? Он явно это заметил...

— Я очень нежен, Принцесса, — тихо сказал он, глядя прямо мне в глаза. — Всегда.

Почему мое тело покрывается мурашками еще сильнее?.. Опять он ставит меня в неловкое положение своими слишком интимными комментариями. Лина, не думай об этом. Это самовлюбленный эгоист, который просто пытается выбить тебя из равновесия. Я думала об этом и смотрела, как он сидел на одном колене прямо передо мной. И почему-то его преклонение доставляло мне дикое удовольствие. Сам Шлем стоит передо мной на коленях. Можно легко дать подзатыльник или случайно заехать коленом в нос... Но почему-то именно сейчас мне этого не хотелось сделать.

— Ты что это делаешь? — резко и удивленно спросил Рем. Похоже, он был занят тем, что вытаскивал из рюкзака какую-то экипировку, и только сейчас обратил на нас внимание.

— Не хочу, чтобы твоя Принцесса разбила себе что-то, —

невозмутимо ответил Шлем, глядя прямо на Рема, а рука его покоилась на моем колене.

— Я сам, — коротко обозначил Рем границы и фактически оттолкнул Шлема.

— Мой экипаж. Значит, надеваю я, — парировал тот.

Рем, молча, одним движением расстегнул наколенники и кинул их на плед в ноги Шлему. Взял свою защиту и принялся проделывать то же самое, что и делал Шлем минуту назад. Я отвела глаза в сторону, не смотрела ни на одного, ни на другого, считая, что могу прочесть в их взглядах что-то большее, чем просто препирательства друг с другом. Но еще больше я не хотела встретиться глазами со Шлемом. Он явно наблюдает за моей реакцией. А мое тело сегодня мне не принадлежит. Очень кстати, когда надо балансировать на этой фиговине.

— А мне кто-то поможет? – наигранно обиженным тоном захныкала Мила.

— Разумеется, — Шлем подобрал свою экипировку и пошел к подруге. – Я помню про тебя, дорогая Мила.

Я наблюдала, как он проделывает то же самое с Милой и поймала какое-то странное чувство внутри. Как будто мне не хотелось, чтобы он это делал. Это же не может быть ревность? Я ревную Шлема? Да его саркастических замечаний на всех хватит. Мне просто понравилось лицезреть Шлема на коленях, полагая, что я одна могу его на них поставить. Вот и все.

Когда меня снарядили и наконец надели долгожданный шлем, я все-таки решила оставить визор открытым. Уж больно ограничен был в нем обзор, было тяжело вертеть головой, а шея чувствовала дополнительную нагрузку. Потом Рем протянул мне руку и помог встать одной ногой на педаль колеса.

— Батон, не подведи меня, катай Лину осторожно, — заботливо общался он с колесом и даже по-дружески погладил его.

— Очень удобно перенести ответственность на Батон, — буркнул Шлем, заканчивая экипировать Милу.

Мы с ней переглянулись. Ей явно было забавно наблюдать за ними, и она то и дело бросала многозначительные взгляды на меня. Я же старалась не подавать виду, что что-то вообще замечаю. Все равно потом десять раз это обсудим...

— А ты когда-то обучал? – уточнила я у Рема, хотя его ответ вряд ли что-то мог уже изменить.

— Было дело, — уклончиво произнес он.

Я не стала уточнять: удачно или нет. Я в конце концов не из стекла сделана – не разобьюсь.

Ли и Ви, а также Лаки, полноправно заняли весь освободившийся плед и явно были заинтригованы предстоящим зрелищем. В отличие от меня. Я уже сто раз пожалела, что повелась на провокацию. Теперь надо было не ударить в грязь лицом, стоя первый раз на этой летающей тарелке. Рем отошел положить что-то в рюкзак, а я услышала, как Ли тихо

шепнул Ви:

— Зря он так, Фокс лучше объясняет...

Но я не придавала этому значения. Рем подошел и поддерживал меня под локти, чтобы я полностью перенесла вес на колесо. Меня зашатавало из стороны в сторону, но он помог удержаться. Можно откатить все назад? Признаю, это непросто.

— Помнишь, как мы стартовали на соревнованиях? — начала объяснять Рем, все еще крепко держа меня под руки.

Я еле кивнула, потому что помнила вообще-то смутно.

— Подай корпус чуть вперёд, и Батон поедет, — подсказал Рем.

Я последовала его инструкциям, хотя тело вообще не хотело этого делать. И я поехала, шатаюсь из стороны в сторону. Но я удержалась и даже на долю секунды порадовалась, как ловко, оказывается, я езжу. Я бросила взгляд на Шлема с Милой. Но это оказалось роковой ошибкой, потому что я начала терять то самое пресловутое равновесие. И моя радость длилась недолго. Батон явно решил, что я слишком смелая, и ускорился. Я замахала руками, пытаюсь удержаться.

— Спокойно, я держу, — чуть более взволновано, чем следовало ожидать, произнес Рем, пытаюсь за мной поспеть. — Старайся чуть отклониться назад, чтобы сбавить скорость, Лина.

Кажется, надо было заранее обсудить, как тормозить... Я отклонилась назад, пытаюсь восстановить баланс, но колесо резко стало качаться туда-сюда, руки Рема давно уже отпу-

стили меня, и через секунду я уже сидела на траве, пыхтя и отряхиваясь от травы и пыли. Я упала и довольно больно.

— Ты жива, Лина? – раздался издалика голос Ли.

Я, не оборачиваясь, махнула рукой и ответила:

— Да, порядок.

А самой хотелось кусать локти от досады. Надо же было так облажаться. И где был мой Рем? Обещал держать, а сам что? Теперь к моему слабому месту в виде имени прибавилось еще одно...

— Для первого раза неплохо, — смущенно пробормотал он, добежав до меня.

Я, которая привыкла к тому, что у меня получается все, за что я не возьмусь, вздохнула:

— Кого ты обманываешь...

Тем временем, мимо меня проехала Мила. Шлем поддерживал ее за руку, но был готов поймать в любой момент. Ее инструктаж явно продлился дольше моего. Мила улыбалась и смеялась от восторга. А вместе они выглядели как влюбленная парочка из какого-то ромкома.

— Молодец, Мила. Только смотри вперед, а не на землю, — давал советы Шлем, сопровождая ее. — С балансом у тебя все прекрасно. Сама поедешь?

Мила активно закивала головой. А со мной он способен разговаривать нормально?

— Ты помнишь, как остановиться? – переспросил Шлем у нее.

— Да, — коротко ответила она.

Шлем наконец отпустил ее руку, и подруга поехала сама. Она даже немного завернула в сторону, пытаясь изобразить поворот. А потом сама остановилась, ловко спрыгнув с колеса.

— Похоже, у кого-то талант к педагогике, — заметил Шлем, когда они проходили мимо нас. — А у кого-то... ну, скажем так, у кого-то талант много о себе возомнить.

И не понятно, ко мне или к Рему относилась эта реплика. Но мы одновременно процедили:

— Заткнись.

— Ага, нашли друг друга. Один отпускает, другая падает. Командная работа, — ответил нам Шлем, не оборачиваясь, ловко приобняв Милу за талию.

И я закрыла визор своего шлема. Не хочу смотреть на Рема. И тем более – на Шлема и Милу. Это полное фиаско.

Я почувствовала, как Рем подхватил меня под руки и поставил на землю. И мне даже не надо было смотреть на него, чтобы знать, что он напряжен как натянутая струна. Интересно, он держит себя в руках, чтобы добиться все-таки согласия Шлема для автосервиса? В любом случае, Шлем это знает – у него есть козырь — и использует против моего Рема. А это мне не нравится.

Когда наконец ребята уехали дальше по своим делам, я смогла выдохнуть. Мила, воодушевленная этой встречей и катанием на моноколесе тараторила без умолку. Я была ра-

да видеть ее в приподнятом настроении после всего, но моя неудача не давала мне покоя.

— Фокс потрясающий! Не помню, что ты там о нем говорила, Лина, но ты не права, — укоризненно подытожила она.

— Я говорила, что он самовлюбленный хитрый наглец.

— Он внимательный и заботливый парень, — а потом она добила меня: — С очаровательной улыбкой.

— Милааааа! — взмолилась я. — Ну ты куда?

Мила только подняла руки в капитулирующем жесте, и заулыбалась:

— Ну а что я?! Он парень красивый, дерзкий, не тихоня, как твой Рем. За словом в карман не полезет. Вообще, он секси во всем черном, да? Еще этот шлем... м....

Я в отчаянии покачала головой. Ну да, я знала, что это ее типаж, но...

Хотя бы его мы делить никогда не будем, потому что Шлем меня не интересует. Но Мила все не унималась.

— Знаешь, он мне понравился, конечно, — рассуждала она. — Но штука в том, что я ему нет.

И она отчаянно откусила огромный кусок сэндвича.

— Вы очень мило беседовали, кажется, — попыталась я напомнить ей, вспоминая процесс надевания экипировки на Милу. — И он даже приобнял тебя за талию.

Мила снова затеребила серебряную сережку в виде сердечка и произнесла:

— Да, но это была обычная вежливость и не более, Лина.

Химии не случилось.

— С тобой он хотя бы вежлив.

— Вежливость — это как равнодушие. Любое чувство лучше, чем равнодушие.

— Он меня ненавидит. И я его тоже. Чем это лучше-то? Мы провести вместе двух минут не можем без издевок.

— Именно поэтому у вас есть все шансы, — пожала она плечами.

— Шансы на что? — удивленно уточнила я, недоуменно посмотрев на подругу.

Мила меня оглядела внимательно и серьезно своими карими глазами. Она явно была и приятно удивлена знакомствами, и расстроена тем, что Шлем не обратил на нее внимания. А потом она коротко ответила:

— На любовь.

— Упала я, а стукнулась головой — ты, — недовольно хмыкнула я. — Не говори ерунду, Мила. Он не из тех, кто заводит отношения, а я не из тех, кто западает на таких придурков, — а потом для уверенности добавила: — Скорее Земля разверзнется, чем мы с ним будем вместе. Вот Рем же... совершенно другое дело.

И плевать, что он не удержал меня тогда. Отношения ведь не на этом строятся. Ведь так?

Глава 8. Шанс на любовь

Девиз этого лета: все или ничего. И у погоды, похоже, так же. Две последующие недели шел дождь. И если на предыдущей преимущественно было солнечно и жарко – что хорошо для соревнований, то сейчас погода решила, что пора выжать из облаков всю влагу.

В целом, я была этому даже рада, потому что в дождливую погоду сильно лучше работается. И в дожде определенно есть свой шарм: дома уютно и тепло, можно баловать себя теплыми напитками, которые обычно хочется пить осенью или зимой. За окном вовсю идет ливень. Я долго смотрю, как дождь словно туманом – сплошной пеленой — скрывает от меня улицу и прохожих – тех, кто еще не успел спрятаться от ненастной погоды. Варю себе кофе в кофемашине, на которую пришлось изрядно потратиться. Но я считаю, что это вложение в мое спокойствие и продуктивность. И решаю даже добавить корицы. Может, это и странно, ведь совсем не новый год... Но об этом же никто не узнает, а мне хочется. Подхожу к рабочему месту и неохотно ставлю кружку на свободный кусочек стола.

 Всю прошлую неделю мне было не до уборки, но сейчас придется прибраться. Я вздыхаю, но медленно приступаю, разгребая листок за листком. Главное – начать. Включаю Мартина и Сироткина на колонке – идеально

для такого настроения. С настроением действительно что-то странное творится.

Вроде бы все хорошо. Лето, учебы нет, не считая кипы набросков, которые нужно сдать в начале семестра, у меня только работа. Андрея в моей жизни нет, как и проблем с ним связанных. С подругой я помирилась. А еще встретила Ромку, то есть, Рема, и его компанию. Новые знакомства – это ведь классно, я никогда не умела их заводить сама, а тут судьба подкинула сразу три новых человека в мою жизнь. Или четыре? Потому что иногда создавалось ощущение, что и сам Рем был тоже для меня новым человеком... Он помнил многое из прошлой жизни – той, в которой мы были школьниками и друзьями. И это было здорово. Это все еще связывало нас невидимой нитью спустя эти пять лет. Но я не могла не отметить, что он все же изменился. И не столько внешне, сколько внутри: стал более резким в словах, порывистым, а лицо его периодически выражало тихую злость, которая не находила выхода. Таким я его не помню. Хотя... может, моя память ловко играет со мной. И все же, я всегда была в него влюблена, чем могут навредить небольшие перемены? Мы все меняемся. Жизнь нас меняет, и по-другому не может быть.

Пока я пыталась поразмыслить над нашими отношениями, которые уже вышли за границы дружбы, как океан из своих берегов в прилив, я не заметила, как мы начали вести себя как парень с девушкой. По большей степени это прояв-

лялось в наших прикосновениях, взглядах, поцелуях, но мы много времени проводили вместе и переписывались постоянно. Мы несколько раз, несмотря на дождь, ездили в наше кафе возле школы: Рем забирал меня из дома на своей крутой оранжевой машине, похожей на американский пикап с открытым багажником, а потом отвозил домой. В кафе он неизменно брал тот самый горячий шоколад и тартатин, а я – капучино без сахара. Мы вспоминали школьные годы, а я каждый раз хотела спросить его о том, что же все-таки произошло с нашей дружбой, но всегда останавливала себя мыслью, что это все неважно, если мы сейчас вместе. А если Шлем согласится, то Рем останется тут надолго. И как бы я не пыталась рассуждать здраво и не строить планы, мое сердце билось чаще при мысли об этом. Но пока я все еще не знала, в чем дело и почему Шлем не соглашается. Он не тот человек, которого можно просто взять и спросить. К нему нужен подход, а против меня у него явно выстроена двойная, нет, тройная защита с аутентификацией, потому что ты никогда не откроешь свои секреты тому, кого ненавидишь. Что-то должно для этого случиться. И пока мне было непонятно – что. А еще мне было непонятна его ненависть ко мне. Но, в любом случае, она взаимна.

Когда стол наконец был расчищен, а кофе выпит я села за работу. Заодно с уборкой, я решила убрать ненужные эскизы. Наткнулась на портрет Шлема и улыбнулась, вспоминая реакцию автора.

«Это то, что нужно! Лина, ты гений! Возможно, мне понадобится еще несколько артов с этим парнем, я напишу тебе,» — прислала автор мне сообщение после того, как я отправила ей иллюстрацию по эскизу.

Да, иногда гениями называют читеров. Ну ладно, не читеров. Скажем так, я вдохновилась существующим человеком. Использовала Шлема как референс. И это сработало. Плохие парни в моде, похоже. Получается, Шлем уже помог мне дважды: с Милой и с работой. Но он, конечно, об этом не узнает, а то его эго просто лопнет от самолюбия. А я не могу этого допустить.

Я отложила его набросок в папку «В работе» и села за текущие проекты, которые ждали своей очереди. Еще предстояло определиться с темой эскизов на это лето. Суть задания заключалась в том, что за лето нужно создать не меньше двадцати эскизов и одну полноценную работу по одному из них. А главное — все эскизы должны быть выполнены по одной теме и в одном стиле. Июнь заканчивался, а у меня на руках не было ничего, кроме горы работы. Да и все проекты по разной тематике. Ну что ж, время еще есть...

В один из моих рабочих вечеров в гости пришла мама. Как я ни старалась предупреждать ее о визитах, но она этого не делала. Не из чувства гиперопеки, а просто для нее это было в порядке вещей: гулять по городу и зайти в гости к подруге или ко мне с чем-то вкусненьким. Она принесла эклеры. Я поморщилась, потому что эти невероятно вкусные эклеры из

пекарни возле ее дома еще и ароматно пахнут. А какой там крем! М... Соблазн, перед которым я обязана устоять, если все еще хочу носить скинни.

— Линочка, золотко, я тут подумала... — начала она, когда с прелюдиями о погоде было покончено. — Вот тебе денежка, купи себе, что захочешь. Но только не на материалы для работы, очень тебя прошу!

Я постаралась взять себя в руки и сделала глубокий вдох.

— Мам, спасибо, — я положила свою руку на ее. — Но я тебе говорю: у меня все в порядке с работой и деньгами. Посмотри, я снимаю квартиру сама, ношу хорошую одежду, содержу собаку. Я не бедствую.

— Я знаю, но деньги никогда не лишние, — с этим трудно было не согласиться.

Просто дело было в том, что маме-то они нужнее явно. Она работала учителем в школе, зарплата там, мягко говоря, ниже достойного уровня. И тем не менее, мама считала, что обязана подкидывать мне деньги раз в месяц. Наверное, это уже не изменить, да? Я взяла деньги. Бесполезно отказываться, но я сформировала отдельный фонд маминых денег, с которых потом покупаю ей какие-то хорошие вещи и дарю те подарки, которые позволить себе она не может.

— Мы когда с Сашей поженились, то каждый рубль берегли, — мама принялась вспоминать молодость и жизнь с папой. — Я учитель, он — художник. Денег много никогда не водилось, временами у папы твоего вообще работы не было.

— Мам... — попыталась я остановить ее.

Из раза в раз одно и то же. Мама переживает, что я иду по стопам своего отца, становлюсь художником. И она думает, что сейчас ситуация в мире искусства такая же, какая была двадцать лет назад. Но это не так. Сейчас каждому художнику есть место в мире и есть работа, какую бы откровенную дичь он не рисовал. Все это называется высоким искусством и может быть достойно оценено. Я не была Пикассо или Дали, как и мой отец, но в этом тоже были свои плюсы. Обычные портреты и картины обыденности до сих пор пользуются большим спросом. Потому что написаны вручную, а не напечатаны на холсте или сгенерированы нейросетью. В них есть душа и человеческий труд. И люди теперь это ценят куда сильнее. Так что с работой у меня порядок, в отличие от отца, который начинал свой путь в девяностые, когда денег не было в принципе, не то, что на картины для дома или иллюстрации к книгам... Но маме этого не объяснить. Она давно перестала быть в курсе новостей в мире, жила в своих представлениях, но иногда я все же пыталась показать ей, что мой выбор — пойти в Академию по стопам отца — это не безрассудство, а сознательный выбор.

— Ты же понимаешь, что ты не разбогатеешь на этом, Лина! Рисуя картинки к книгам, — говорила мама, хотя понятия не имела, сколько сейчас стоят иллюстрации.

— Я не стремлюсь к богатству, мам, — пыталась я прояснить свою позицию мягко. — Мне нужно, чтобы было до-

статочно. Для меня. Мне важнее то, что я горю этим, и душа у меня хочет этим заниматься, даже спустя столько лет.

Мама опустила голову и задумалась.

— Саша не хотел, чтобы ты шла в Академию, ты же знаешь, — тихо произнесла она спустя время.

Она нервничала, заправляя выбившиеся из собранной прически пряди. Это движение стало уже таким привычным за последние годы.

— Да. Но это было много лет назад. Многое изменилось. И, может, мнение папы тоже изменилось бы...

Мама снова молчит, а я разглядываю ее в ожидании ответа. Некогда густые русые волосы частично поседели и поредели, на тонких руках стали заметнее вены и сухожилия. Такие же голубые, как и у меня глаза, но только в них грусть и смирение. Мама давно не сопротивляется тому, что уготовила ей судьба. Она маленькая, осунувшаяся женщина с непростой судьбой. И тем не менее, она любит свою работу. Горит ей, насколько может. И это понимание теплом разливается внутри меня.

— Ты уверена, что хочешь сама этим заниматься, а не потому, что так любила папу? — все же уточняет она, хотя долго думала, спросить или нет.

Я знаю ее наизусть.

— Уверена, мам. Это мой выбор.

Мой папа умер, когда мне было восемь. Рак. Последние месяцы дались невероятно тяжело, я помню все, даже спустя

двенадцать лет. Может, не хорошо так говорить, но он был моим любимым родителем. С ним я могла сидеть в мастерской до полуночи и рисовать на стенах все, что угодно. С ним мы съедали по плитке шоколада, пока мама строжилась на нас за это. А мы только улыбались испачканными губами и зубами. С ним мы фантазировали о том, какой могла бы быть обложка у только что прочитанной мною книги или рассказа. В его мастерской всегда горел приглушенный свет, столы были завалены красками и различными инструментами для работы, а в стеллажах мирно покоились большие объемы разбавителей и лаков. Помню, как однажды я случайно запачкала его новую футболку красками, а он молча снял ее и принялся разрезать на кусочки. «Для вытирания кистей теперь сгодится, она мне все равно не нравилась!» — бодро произнес он тогда. Но я знала, что это была первая новая его футболка за долгие месяцы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.